

Владимир Дараган

Женщины и мужчины

Владимир Дараган

Женщины и мужчины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22368179

ISBN 9785448356728

Аннотация

Эта книга о любви, написанная мужчиной. Какие-то рассказы и повести могут показаться грустными, даже трагичными, но такой бывает жизнь. Ничто в ней не вечно. Однако это не означает, что у нас нет надежды. Хорошее случается редко, если мы только вздыхаем и ждем неизвестно чего. Или ищем замену незаменимого.

Содержание

Уроки любви	6
Весна и лето	6
Уроки Любви	9
Ревность	17
Строчки о любви	22
Адам и Ева	24
Монологи и диалоги	26
Снег в ноябре	28
Счастье – это когда...	34
Записка на салфетке	36
Мужчины	41
Хроника падающей луны	45
Женщина с мужчиной	53
Перепелкин (повесть)	59
Женщина с высоты орлиного полета	97
Свидание	102
Мужчины – 2	104
Запах полыни	108
Трудно быть волшебником	116
Лилии и амариллисы	122
Последняя осень	126
Жареная картошка	130
Он был похож на Бельмондо	136

Женщины и мужчины Владимир Александрович Дараган

© Владимир Александрович Дараган, 2017

ISBN 978-5-4483-5672-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уроки любви

Весна и лето

Сашка не любил весну.

Чем теплее и приятнее становилось на улице, тем больше накапливалось несделанных заданий, незаконченных лабораторных, все ближе придвигалась пора зачетов и экзаменов.

Одна радость: в апреле немислимо хорошели девушки, они начинали беспричинно улыбаться, и казалось, что они улыбались Сашке.

Ее звали Наташа. У нее были белокурые волосы и огромные голубые глаза, удивленно смотревшие на мир. Их прижала друг к другу толпа в троллейбусе. Сашка опирался на поручень и для приличия пытался соблюдать небольшую дистанцию. Взгляды их встретились и не скользнули в сторону, как обычно бывает, а зацепились, погрузились друг в друга, стали связующей ниточкой. Они молчали, у обоих кружилась голова. Где-то в глубине Наташиных глаз Сашка вдруг увидел радость и почувствовал, что это отражение счастья, которое вдруг нахлынуло на него, затруднило дыхание и заставило гулко биться сердце.

У текстильного института Наташа встряхнула волосами, улыбнулась и стала пробираться к выходу. Сашка постоял

на месте, не веря, что сейчас все кончится, потом опомнился и бросился вслед.

На улице светило солнце, от серых сугробов тянуло холодом, у столба стояла женщина в черной синтетической шубе и продавала бледные тюльпаны, плотно лежавшие в большой картонной коробке.

Сашка купил тюльпан и догнал Наташу, стоявшую на переходе в ожидании зеленого сигнала светофора.

– Меня зовут Сашка, – сказал он, протягивая тюльпан. – Я люблю тебя, уже десять минут люблю!

Наташа взяла цветок, разгладила его и с улыбкой стала смотреть, как Сашка судорожно хлопает по карманам. Наконец, он нашел в одном из них шариковую ручку, протянул ее Наташе и подставил ладонь.

– Напиши, кто ты.

Наташа написала свое имя, телефон, отдала ручку и пошла через дорогу.

– Я буду звонить каждый день! – крикнул Сашка.

Наташа остановилась и негромко сказала:

– Звони после девяти, когда я дочку спать уложу.

– Какую дочку? – оторопел Сашка.

– Мою дочку, Иришку.

Сашка растерянно смотрел, как белая Наташина куртка исчезала в толпе возле институтских дверей.

Он позвонил ей через неделю. Не стал оправдываться, что так долго не звонил, а Наташа не стала его ни в чем упрекать.

– Нет, я не смогу пойти в кино и не смогу выйти погулять. У меня комната в коммуналке, мы с Иришкой живем вдвоем.

Сашка замолчал, не зная, как продолжить разговор.

После экзаменов Сашка снова позвонил:

– Слушай, а давай втроем пойдем в парк Горького. Покажем Иришку на каруселях, в кафе сходим, на лодках поплаваем...

– В воскресенье днем Иришку забирает мой бывший муж, а я бегаю по магазинам. Другого времени у меня для покупок нет.

В середине июля Наташа позвонила сама.

– Саша, я отправила дочку на месяц к маме. Покатай меня на каруселях в парке Горького!

Сашка долго молчал, листая записную книжку. Наташа слушала шелест страниц и тоже молчала.

– Я не могу на этой неделе... – наконец вымолвил Сашка. – Давай созвонимся дня через три?

– Давай, – сказала Наташа и положила трубку.

Больше они не перезванивались.

Уроки Любви

Ашот

Алена была рыжая, стройная и красивая.

В тот день они сидели с Ашотом на шатких стульчиках в приморском кафе за маленьким алюминиевым столиком. Ашот – брюнет, небольшого роста, крепкий, загорелый и очень заботливый. Познакомились они на пляже, он долго уговаривал ее пойти в кафе, она отказывалась, но потом решила, что поход в это скромное заведение ни к чему ее не обяжет.

– Слушай, – Ашот тщательно изучал меню, – шампанского тут нет, но есть коньяк. Тебе сколько надо?

– Нисколько, в такую жару...

Место было популярным, им достался столик без зонтика на открытой веранде. Она была очень довольна, что не забыла свою шляпу с широкими полями. Горячий ветер приносил с улицы резкий запах свежего асфальта. Иногда ветер менял направление, тогда пахло пылью и немного розами с клумбы.

– А что хочешь? Вино есть... белое и красное.

– Закажи мне один апельсин.

– Один килограмм?

– Нет, один апельсин!

Алена показала ему палец.

– Слушай! – Ашот от возмущения бросил меню на стол. – Ты неправильно разговариваешь с мужчиной, который уже тебя любит!

– Уже любит?

– Да! С такими мужчинами надо по-другому разговаривать!

– Будешь учить?

– Да, вот тебе задача!

Алена с интересом посмотрела на Ашота. Он снял темные очки, пошевелил губами, словно подбирая слова, и сказал:

– Вот, допустим, ты сидишь в ресторане, и на тебя падает провод!

Она от удивления открыла рот.

– Какой провод, Ашот, откуда?

– Оттуда, – Ашот показал на белесое от жары небо, по которому плыло полурастаявшее облако. – А провод электрический!

Алена представила, что с неба на нее летит электрический провод и поежилась от страха.

– Ну... я бы сбросила его...

– Неправильно! – Ашот привстал и потряс в воздухе маленькими загорелыми кулаками. – Ты что, электрик?

Она растерялась.

– Нет, я не электрик, я биолог. А как надо?

– Надо сидеть и ждать, когда мужчина, который тебя любит, встанет и сбросит с тебя провод!

Алена наклонила голову набок и посмотрела ему в глаза.

– Ашот, а вдруг тебя убьет электричеством?

Ашот сел обратно на стул и широко улыбнулся.

– Если по-настоящему любишь женщину, то тебя никто не убьет!

Алена с пониманием кивнула.

– Ашот, спасибо, я теперь поняла, как нужно разговаривать с влюбленными мужчинами.

Ашот снова взял в руки меню и посмотрел на нее. Она улыбнулась.

– Закажи мне один апельсин и еще... чашку кофе!

Зонтик

Дождь, я иду с девушкой под зонтиком. Зонтик повернут так, что перед глазами болтается хвостик от застёжки.

– Поверни зонтик, – просит девушка. – Я не люблю, когда передо мной чей-то хвост!

Я поворачиваю, мы начинаем о чем-то болтать, зонтик незаметно возвращается в старое положение – хвостик опять перед глазами.

– Ты это специально делаешь? Знаешь, если мы с тобой расстанемся, то в этом будет виноват этот хвостик.

Через год мы расстались. Неужели этот хвостик был так важен?

Лужа

– Ты перенесешь меня через лужу?

По огромной глубокой луже хлещет дождь. Вода пенится грязными пузырями, сильный ветер гонит их к дальнему краю. Я складываю зонтик и шлепаю по луже с девушкой на руках. Очень стараюсь дышать легко и непринужденно. Потом осторожно ставлю ее на сухое место и снова раскрываю зонтик. В ботинках противно хлопает вода.

– Слушай, а ведь мы могли ее обойти, и ты бы не намочла без зонтика. Я не понимаю...

– Ты еще много чего не понимаешь!

Что любит женщина

Может ли женщина художника не любить его картины?

Может ли женщина писателя не любить его рассказы?

Может ли женщина футболиста не любить футбол?

Может, если ей надоело быть женщиной художника, писателя, футболиста...

Яблоки

Начало сентября. Электричка забита до отказа. На улице дождь, в вагоне теплая сырость и запах усталых людей. Анечка едет после работы на дачу. Она сидит у окна и смотрит на капли, ползущие по стеклу.

– Домой? На дачу? – спрашивает ее парень, сидящий напротив.

Анечка смотрит на него. Парень красив: узкое лицо, во-

левой подбородок, серые ласковые глаза. Черная нейлоновая куртка с капюшоном расстегнута, под ней серый свитер.

– А тебе-то что? – спрашивает она.

Парень смотрит на худенькое Анечкино тело, на длинные ресницы, скрытые под очками, на веснушки, рассыпанные по всему лицу.

– Я просто хотел познакомиться, – говорит он. – Дорога длинная, поболтали бы...

– Лучше поехали со мной, поможешь яблоки собрать и корзины до станции донести, – говорит Анечка, удивляясь своей смелости.

Потом они долго сидят на холодной веранде, пьют чай и смотрят на две огромные корзины с антоновскими яблоками, покрытыми капельками дождя.

– А как ты эти корзины от вокзала понесешь? – спрашивает Анечку ее новый знакомый.

– А там меня муж встретит, – неожиданно для самой себя произносит Анечка.

Парень допивает чай, встает.

– Пусть он тогда и сюда приедет для помощи!

И уходит.

Анечка плачет, начинает вынимать яблоки из корзин и раскладывать их на столе.

Мартовская кошка

– Для настоящего кота и в декабре март! А если сейчас

и в самом деле март...

Мы стоим с Витькой у фонарного столба, щуримся от яркого низкого солнца и разглядываем проходящих девушек. Витька – блондин с голубыми глазами, баскетболист – нечто среднее между Аполлоном и Падшим Ангелом.

– Вот смотри, как надо знакомиться!

Мимо проходит небесное создание в легком пальтишке и в туфлях на шпильках.

– Девушка, простите, а сколько сейчас времени?

Девушка испуганно отшатывается и долго с изумлением смотрит на Витьку. Тот откашливается и продолжает допрос: «А какая сейчас погода? А как вас зовут? А как нам с другом проехать в Ленинскую библиотеку? А какой у вас номер телефона?».

Наконец девушка приходит в себя, улыбается и говорит:

– Номер у меня простой. Позвоните сегодня вечером по 02 – меня позовут!

Она продолжает свой путь, осторожно ступая между первых весенних луж. Витька медленно возвращается к столбу.

– В марте все кошки – стервы! – философски заключает он.

Таксист

Он рассказал таксисту, что от него уходит любимая. Никто другой не хотел его слушать.

– Тут всегда замешан третий, – сказал таксист. – Если вы

ссоритесь, то этот третий в неопределенном будущем, и еще не все потеряно. А если она просто избегает тебя, то этот третий в настоящем. И тут уже ничего поделать нельзя!

Утренняя пробежка

Я жил на даче и каждый день пробегал около километра по дорожке вокруг лесного озера, заросшего ряской и отгородившегося от остального мира жесткими стеблями камышей. Где-то на середине пути я обычно обгонял мужчину лет шестидесяти, бежавшего медленно, глотавшего влажный утренний воздух широко открытым ртом. Одной рукой он придерживал низ живота, а второй периодически вытирал пот с бледного морщинистого лица. Соседи говорили, что он вдовец, живет на окраине поселка, недавно перенес тяжелую операцию и теперь старается быстрее набрать форму.

Однажды я догнал его в тот момент, когда он рассматривал голубую стрекозу, сидевшую на высоком травяном стебле рядом с огромными каплями росы.

– Я знаю, что по утрам бегать вредно, – вдруг сказал мужчина, – но врачи не знают, что только утром я могу увидеть такое чудо.

В конце июня я перестал встречать моего утреннего компаньона. Лишь через две недели я увидел его на платформе в толпе ожидающих электричку. Выглядел он ужасно.

– А как же спортивная форма? – спросил я.

– Не для кого... – сказал мужчина. – Мне сказали недавно,

что я зря стараюсь. А для себя я и так доживу.

Ревность

Раз, два, три, четыре...

Вдох!

Раз, два, три, четыре...

Выдох!

Не хватает воздуха. Надо вдох – на раз и два. Выдох – на три и четыре. Вот так лучше!

Сердце сжалось, в груди комок. Не надо об этом думать. Тебе ведь неинтересно, где она! Тебе все равно. Ты идешь к своей цели и дышишь правильно. Если дышать правильно, то сердце отпустит, и комок рассосется. Да что она – одна из миллионов. У тебя есть дела поважнее, чем думать о ней. Вот так: раз, два, три, четыре...

Сейчас поворот направо. Сколько тут людей! Идут и ни о чем не думают. Усталые глаза, серые одежды. Им хорошо. Им все равно, где она сейчас. И тебе должно быть все равно! Пусть живет, как хочет. И с кем хочет!

И ты будешь жить, с кем хочешь. Вот хоть с этой девушкой. Ну что она так смотрит, я ведь первый встречный для нее. Потом она так же будет на других смотреть. А у тебя все начнется сначала. Не нужен тебе никто! Потому что болит сердце, потому что устал, потому что не можешь ничем заниматься. А вот уйдет она, и все встанет на свои места. Но почему она всегда рядом? Почему ты ищешь ее лицо в каждой

встречной женщине? Почему ты не в силах взять телефон и позвонить?

Нет, звонить нельзя. Никто не возьмет трубку. Она возьмет попозже, когда приедет домой. Поздно приедет. И будет удивляться, о чем это ты подумал. Ведь она просто...

Дальше будет ложь. Ты это точно будешь знать. Ты не будешь верить ни одному ее слову. Она обидится и прекратит разговор. И все будет еще хуже.

Так, кто это мне машет? Вадим?

– Привет! Нет, я в порядке. Никуда не пропал. Дела, у всех дела. Да, я всегда бледный. Да, надо встретиться и посидеть. Как она? Ты о ком? Не знаю, я давно ее не видел. Да как-то так получилось. У нее дела, у меня дела. Поссорились? Нет... Просто мне не до нее, и ей не до меня. Да не дрожат у меня руки, нет, я не пью... Устал... работа... Ну ладно, увидимся...

Сбился с ритма. Как ты это делал? Раз, два – вдох... Да, вот так. Теперь вперед, еще долго идти, но это хорошо. Но почему так получилось? Ведь сначала все было спокойно. Встречались, расставались... Целовались до одури, а утром ты спокойно шел на работу. И не думал про нее. Вернее, думал, но в прошедшем времени. О том, как было хорошо вчера! У нее такие нежные и ласковые руки. А где она сейчас? Ну... дома, или на своей работе, или с подругами в кафе, или в магазинах... Какое твоё дело. Она свободный человек, гуляет, где хочет, встречается, с кем хочет. Главное, что, когда

ты ей позвонишь, она будет тебе рада. У тебя к ней теплое отношение, и у нее к тебе.

А с чего все началось? Ты виноват, конечно. Ты ведь такой опытный, такой умелый. А когда выпьешь, то тянет рассказать про свои подвиги. Ну и ляпнул. И она ответила. Конечно, ты знал, что она не девочка, но все это было абстрактно, в прошлом, которого могло и не быть. А она сказала конкретно. Вот так и так. Вот там и еще здесь. И много раз.

И все! Ты сразу возненавидел все места, где она бывала или могла бывать. Ты возненавидел ее квартиру, ее комнату, ее кровать. Ты возненавидел ее работу, диваны на ее работе, все столы и стулья, срочные задания, которые надо заканчивать после шести. Ты ненавидел ее телефон, когда там были только гудки. Или когда там был ее веселый голос. Почему веселый, почему ты не брала трубку, почему сразу не ответила на СМС?

А ей было смешно. Она говорила, что будет теперь ходить с фонарным столбом под мышкой, чтобы хоть знать, к кому ты ее ревнуешь. А тебе было не смешно. Она иногда пропадала целыми вечерами и появлялась только на работе. Подруга? Да, она говорила первое, что приходило в голову. Ты знал, что это неправда, но не хотел ее уличать. Тебе хотелось быть обманутым. Хотя так, неумело, но только не знать. Не знать ничего, а верить её словам, в её улыбку, в её подруг, в её срочные задания. И молчать. Молчать изо всех сил – иначе конец. Все они боятся ревнивых мужчин. Они хотят,

чтобы мужчины не ревновали и были добрыми. И ты старался. Ты даже забывал про все, когда ее пальцы гладили тебя по лбу. Ты забывал, когда чувствовал запах ее кожи. Ты забывал, когда чувствовал вкус ее помады на губах.

Но потом ты перестал думать о ваших встречах, перестал вспоминать, как тебе было хорошо. Вместо этого ты думал: а что будет сегодня? Замолчит ли ее телефон? И почему?

Нет, надо это прекращать. Надо идти и глубоко дышать. Вот уже становится легче. Ты не будешь ей звонить сегодня. И завтра тоже не будешь. И больше вообще не будешь звонить. Потому что ты не хочешь слышать долгие гудки вызова и тишину. И этот противный голос в автоответчике. Тебе нечего сказать автоответчику. Тебе хочется бросить телефон в стену, чтобы никогда не звонить и не ждать, когда позвонит она.

Опять кто-то улыбается! Да откуда они все повылезали?

– Привет, Галка! И я рад тебя видеть. Все хорошо. Ты знаешь, что у меня всегда все хорошо. И здоровье отличное! Да... вот по делам иду. Кофе? Давай в другой раз. Меня ждут. Чего ты знаешь? Нет, не надо ничего рассказывать. Мне это неинтересно. Ага... Пока.

Так, уже скоро, вот еще один поворот. Сердце опять стучит и сжимается. Вот эта дверь. Вот...

– Да, здравствуй... я тут был неподалеку и решил тебя встретить! Я как раз собирался тебе позвонить! А я не нарушаю твоих планов? Я не опять, а просто спросил, не хочу

быть навязчивым. Нет, я не дурак, а люблю тебя. Так не любят? А как любят? Так я всегда готов тебя обнять. Я правда рад! Как ты пахнешь... Но ты права – я все-таки дурак, но буду работать над собой и умнеть прямо на глазах. Вот хочешь, я поумнею настолько, что залезу на этот столб и закричу, что люблю тебя? Что ты смеешься? И ты любишь? И тоже полезешь? Ты знаешь, кто я? Я самый счастливый человек на свете!

Строчки о любви

Книги и фильмы о любви читают и смотрят не ради сюжета. Там надо искать не что, а как.

Вот так любишь, любишь, а потом – бац! – оказывается, надо еще и работать!

Можно ли долго любить человека, который, выпив чай, оставляет чашку на столе?

Поиск в Гугле: «любить» – 17 500 000; «разлюбить» – в десять раз меньше. Вот бы и в жизни так!

Он ее «полюбливал».

Бывает долгая и счастливая любовь. Почему-то в книгах про это не пишут.

Взявшись за руки, идти по вечернему пляжу, сидеть в ресторане, и чтобы на столе горела свеча. Это – романтические штампы. Мне больше нравится вдвоем оклеивать комнату обоями.

Так хорошо, когда ты не ждешь звонка, а хочешь и мо-

жешь всегда позвонить сам.

И еще хорошо, когда тебе звонят просто так... просто соскучились.

Только любимой интересно, как ты пытался помыть посуду кремом для рук.

Хочешь, чтобы от тебя устали? Чаше рассказывай, как ты устаешь.

Сюрпризы надо делать еще и для воспоминаний.

Какими же идиотами выглядят влюбленные со стороны!

Любишь? Терпи!

Адам и Ева

Змей и Ева

- Съешь яблоко, и ты узнаешь правду.
- Но я счастлива, зачем мне правда?
- Как знаешь, тогда я уйду.
- А где это яблоко?

Что-то делать!

- Адам, мужчина что-то должен делать для женщины.
- Но нам же так хорошо! Я могу сделать только хуже.
- Тогда придумай так, чтобы стало хорошо по-другому.

Рассказ Адама

- Адам, ты мне ничего не рассказываешь.
- Но мы с тобой всегда рядом, и все мои истории – они и твои тоже.
- Тогда сходи один за тот куст и расскажи, что ты там видел.
- Ева, там тоже очень хорошо!
- Я так и знала, что тебе без меня лучше!

Мысли Адама

- Адам, о чем ты думаешь?
- О тебе.

- И как ты обо мне думаешь?
- Что я счастлив с тобой.
- Значит, ты думаешь не обо мне, а о себе!

Монологи и диалоги

Купальник

Ты почему не купил мне в подарок купальник, на который я смотрела в магазине?

– Он тебе понравился? Я не знал.

– Тебе давно пора научиться это чувствовать!

Для нее – в кастрюльке

– Ты садись за стол, сейчас мы поедим. Вот тут творог... хотя это для нее. А вот в кастрюльке... это тоже для нее. Слушай, а ты точно есть хочешь?

Оба устали

– Давай никогда не будем выяснять отношения, когда мы оба устали!

– Давай! А ты сейчас не очень устал?

Разговор девятиклассников

– Она мне предложила в подъезд зайти, погреться!

– Ну?

– Ну, ну! Мы зашли, постояли у батареи и разошлись. Я только дома сообразил, что она имела в виду!

Занимаюсь обменом квартир

- А вот тут в уголке мы тебе сделаем кабинет.
- А что, мы разве собираемся жить вместе?
- Ты не ты – какая разница?

Таню можно?

- Алё, здрасьте, а Таню можно?
- Тани нет, а кто ее спрашивает?
- Неважно, просто передайте ей, что я ее больше никогда не буду спрашивать!

Снег в ноябре

Рита была красива, но не могла в это поверить.

У красивых было много поклонников, их звали на свидания, приглашали в театры и рестораны.

Ее никто никуда не приглашал. Мужчины появлялись в ее жизни, но как-то ненадолго. Обычно все ограничивалось первым разговором и еще несколькими телефонными звонками. Потом мужчины исчезали, а если появлялись снова, то говорили ей комплименты, обещали позвонить и снова пропадали.

Рита пыталась понять, что происходит. Она подолгу смотрела на себя в зеркало и видела высокую молодую женщину с длинными русыми волосами, свернутыми в красивый узел, мягкое лицо с чистой белой кожей, широко расставленные серые глаза, большой рот с припухшими губами. Вроде все не хуже, чем у других, но почему-то ее подруги замужем, а она одна сидит у окна, смотрит на осенний дождь, и сердце сжимается от грусти и жалости к самой себе.

На работе ее окружали пожилые женатые мужчины. Они иногда делали ей комплименты, но дальше этого никто не шел. Она сама не хотела заводить интрижки в офисе, но тут ей даже некому было отказывать.

Тогда Рита стала читать. Библиотекаряша в районной библиотеке была ее одноклассницей, и Рите удавалось одной

из первых прочитывать свежие литературные журналы. Одноклассница подобрала ей книги по истории искусства, и Рита добросовестно читала про импрессионистов, экспрессионистов и передвижников. Они с подружкой стали подолгу сидеть в маленькой служебной комнатке, пить чай и беседовать об искусстве, мужчинах и женщинах. Подружка была худенькая, с острым личиком, и чем-то походила на юркую серенькую мышку. Она гладила Риту по плечам, говорила, что та очень сексуальна, и ругала мужиков, которые не видят красоту у себя под носом.

– Да какая у мужиков под носом красота! – отшучивалась Рита.

Подруги смеялись, заваривали еще по чашке чая и начинали обсуждать Лилию Брик, которая была страшненькой, а вот умела привораживать мужчин.

Рита стала ходить на художественные выставки. Она убеждала себя, что ходит туда потому, что ей интересно, но на самом деле она ждала, хоть и не признавалась в этом даже самой себе, что кто-нибудь к ней подойдет и спросит, например, как ей нравится этот художник.

...Он подошел к ней в раздевалке, когда она уже надевала пальто. Ему было лет пятьдесят или больше. Седые редкие волосы, немного ниже ее ростом, худой, но подвижный и разговорчивый. Она видела его в залах выставки, но тогда сразу решила, что это герой не ее романа, и старалась не обращать на него внимания.

– Ну и как вам эта мазня? – спросил он, бесцеремонно взяв ее пальто, чтобы помочь одеться.

– Мне понравилась графика молодых ребят, а остальное... – Рита пожала плечами. – Спасибо!

Он галантно кивнул и красивым жестом руки показал на выходную дверь.

На улице кончался московский ноябрьский день. С неба сыпалась колючая холодная крупа, она таяла на тротуарах, блестящих от уже зажженных фонарей. Сергей, так звали мужчину, рассказывал о знакомых художниках: очень талантливых, но сильно пьющих.

– А так бы они затмили всех мазил на этой выставке! – убежденно закончил он.

Рита не отвечала. Ей было неловко идти с пожилым плюгавеньким мужчиной, который годился ей в отцы, но вел себя совершенно несолидно. Он хватал ее за локоть, останавливался посреди тротуара и начинал размахивать руками перед ее лицом, ругая писателей, пишущих по заказам, художников, поднаторевших в написании известных портретов, кинорежиссеров, продавших даже не за тридцать серебреников, а за гарантированную ежедневную бутылку водки и буханку хлеба.

Рита слушала, смущалась и хотела поскорее избавиться от своего попутчика, чтобы не видеть глаза прохожих, бросающих удивленные взгляды на странную пару.

– А я живу неподалеку! – сказал Сергей, показывая на вы-

сокие «сталинские» дома, еле видимые из-за падающего снега. – Предлагаю зайти ко мне, я вам прочитаю главу моего последнего романа.

– Вы писатель? – удивилась Рита.

– Инженер, – сказал Сергей. – Я даже закончил институт... механический... или технический... Впрочем, это неважно. Но я пишу для себя и для друзей.

– Роман... – задумалась Рита. – А о чем?

– Читали Апокалипсис? Мало кто читал, и уж совсем мало кто представляет, как это будет в реальности. Там все закодировано, а я перевожу на современный язык. Вот вы знаете, с чего все начиналось?

Рита читала Новый Завет, который ей достался от бабушки.

– Ну... лунное затмение, землетрясение, ангелы, трубы, семь печатей...

– Вы просто удивительная! – Сергей остановился и снова взял ее за локоть. – Молодая, красивая, а помнит такие вещи! Вам нужно обязательно прочитать мой роман!

Они поднялись на восьмой этаж большого дома. В квартире Сергея было две комнаты с огромными окнами, выходящими на реку. Справа виднелся Краснохолмский мост, по которому медленно ползли машины. Набережная под окнами казалась пустынной, а на противоположном берегу реки Рита заметила вереницу снегоочистительных машин, обильно посыпавших дорогу солью. За ними выстроился

длинный хвост грузовиков и легковушек, снег на дорогах был желтым или сине-фиолетовым, в зависимости от ламп в фонарях.

– Нравится? – Сергей подошел сзади и обнял Риту за плечи.

Рита не пошевелилась. Ей вдруг стало приятно находиться с ним в теплой пустой квартире, где их никто не видел, куда никто не мог прийти, где под окнами темнела замерзающая река и где по-холостяцки пахло пылью и табаком...

– Ну как он?

Подружка из библиотеки никак не могла понять, кто такой Сергей и понравился ли он Рите. Почему Рита молчит, смотрит в окно, о чем-то думает и ничего не рассказывает.

А Рита не знала, что ей рассказать. Перед глазами только стоящая на полу лампа, дубовый паркет, который так растрескался, что уже было нельзя по нему ходить босиком, темные пятна на старых обоях, длинная стена, заставленная книжными полками. А Сергея нет. Есть вкус растворимого кофе, липкая клеенка на кухонном столе, запах несвежего постельного белья, его прерывистое дыхание, острая боль и желание, чтобы все это быстрее закончилось. И еще – огромные стоптанные шлепанцы, ржавые пятна в ванной, неожиданно свежее полотенце, пахнущее мылом, треснутый кафель, пожелтевшая раковина и капли из крана.

И еще был лифт, довольно новый, с целыми кнопками

и почти без надписей на стенах, тяжелая дверь подъезда, хлынувший в легкие свежий воздух с запахом талой воды, тротуар с тонким слоем первого снега, быстрое прощание возле метро и обещание позвонить, как только будет время.

Но Сергея нет. И больше не будет. У нее нет его телефона, да она и не стала бы ему звонить. Ей не интересен его роман, не интересны его друзья, к которым он приглашал на дачу, ей не интересны картины гениальных, но сильно пьющих художников. Ей хочется все забыть. Хотя нет, пусть останется в памяти вечерний мост, темная река и фонари, освещающие первый снег.

Счастье – это когда...

Счастье – это когда ты можешь взять ее за руку и в ответ почувствовать благодарное пожатие.

Счастье – это когда ты смотришь на крыло машины, видишь глубокие царапины и искренне говоришь, что это будет памятью о том, как ты училась водить машину.

Счастье – это когда тебе все равно, какая погода за окном.

Счастье – это когда ты вечером с нетерпением закрываешь глаза, чтобы быстрее проснуться.

Счастье – это когда раздается телефонный звонок, ты смотришь на определитель номера и начинаешь улыбаться.

Счастье – это когда тебе все равно, чем завтракать, чем обедать и чем ужинать.

Счастье – это не когда ты выиграл в лотерею, а когда есть кто-то, кто искренне этому обрадуется.

Счастье – это когда есть кому позвонить и сказать: «Мне плохо, приезжай, пожалуйста!» – но ты никогда это не сде-

лаешь.

Счастье – это когда на твой горячий лоб кто-то положит прохладную ладонь.

Счастье – это когда утром, еще не проснувшись, ты идешь нетвердой походкой на кухню, с всклокоченными волосами и полужакрытыми глазами, а тебе все равно улыбаются.

Счастье – это когда ты веришь, что завтрашний день будет не хуже прошедшего.

Записка на салфетке

Я полюбил кафе «Адриатика», спрятавшееся в арбатских переулках. Там дорого, но зато всегда мало посетителей. В «Адриатике» можно заказать кофе и рюмку коньяка, а потом сидеть целый вечер, лишь иногда прося принести свежий кофейник. Обычно мы туда приводили девушек, чтобы просто отдохнуть после кино или согреться после прогулок по замороженным улицам. Мы сидели на мягких диванах, слушали негромкую музыку, наслаждались полумраком и разглядывали посетителей.

Я стал замечать, что в каждый раз, в восемь часов, открывалась дверь, и хрупкая девушка на костылях, немного скрюченная полиомиелитом, направлялась к столику, который специально для нее держали официанты. Она садилась и начинала улыбаться всем, кто на нее смотрел. Она многих знала, негромко здоровалась, к ней подсаживались, целовали ее, недолго разговаривали и уступали место следующим желающим с ней пообщаться.

Меня она очень интриговала. За столиком не была видна ее инвалидность, зато лицо было красивым, улыбка обворожительной, голос мягким, тихим и обволакивающим. Мне очень хотелось с ней поболтать, но я не знал о чем.

Однажды мне повезло. Как-то раз она вынула сигарету из пачки, стала чиркать зажигалкой, но огонь не появлялся.

Она беспомощно огляделась вокруг, я вскочил, забыв про тех, с кем пришел в кафе, и бросился к ней, на ходу вытаскивая спичечный коробок. Я молча сел с ней рядом, зажег спичку, она прикурила и стала меня разглядывать.

– Я тебя тут часто вижу, – наконец сказала она. – И все время с разными девушками.

– Это просто знакомые, а это кафе мое любимое. Ты ведь тоже сюда часто приходишь.

– Это единственное кафе, куда я могу добраться из дома без посторонней помощи. Но оно и правда хорошее.

– У тебя тут много друзей.

– Да, тут многие из нашего поэтического клуба.

– Ты пишешь стихи?

Она замялась и обвела глазами зал. Я заметил, что несколько человек с любопытством наблюдали за нашей беседой.

– Стихи надо писать про любовь, – наконец сказала она. – А я видишь какая...

Я сглотнул комок в горле и прикрыл рукой ее маленькую ладошку.

– Не надо! – она резко вырвала руку. – Мне ничего не надо!

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, но больше так не делай. Расскажи про себя.

Это я умел! Я попросил официантку принести мне бокал вина, закурил и начал рассказывать все, начиная с перво-

го класса. Она внимательно слушала, улыбалась и даже смеялась, когда я описывал свои подвиги во время контрольных и на экзаменах в музыкальной школе. Когда я перешел к вступительным экзаменам в институт, мои друзья встали, помахали мне рукой и ушли. Я расслабился и начал подробно рассказывать про начало студенческой жизни. Тут моя слушательница немного заскучала и попросила сигарету.

– У тебя как-то все стандартно, – сказала она. – Ты теперь свою скучную жизнь пытаешься разнообразить девушками?

– А что значит нестандартная жизнь?

– Представь, что ты просыпаешься и не знаешь, доживешь до вечера или нет. И весь день живешь, как будто он последний.

– Это ты так живешь?

– Нет, но я знаю таких людей. С ними интересно, если они смелые. Я знаю смелых.

К нам подошел бородатый парень, поздоровался с моей собеседницей, расцеловал ее в обе щеки и вопросительно посмотрел на меня. Я встал, представился, извинился, оставил на столе деньги за вино и пошел к выходу.

На следующий день я пришел в кафе к восьми. Она уже сидела за столиком и беседовала с тем самым бородатым парнем. Затем бородатого сменили две девицы в узких черных брюках. Следующим к ней подсел какой-то патлатый парнишка в потертых джинсах и в сером свитере с растянутыми локтями. Я все время смотрел на нее, она иногда по-

глядывала на меня, но я заметил какое-то нарочитое равнодушие в её глазах. Потом она попросила у патлатого ручку, взяла салфетку и долго что-то писала. Салфетку она передала патлатому, он принес ее и молча положил на мой столик. Там было написано немного слов, но каждая буква была обведена по нескольку раз, что подчеркивало обдуманность и вес каждого слова. Я не сохранил эту записку, но помню ее наизусть:

«Если ты ждешь меня, то прошу – не надо. Мне с тобой не очень интересно. Прости!»

Я встал и вышел на улицу. Был морозный вечер, снег скрипел под ботинками, я шел раскрасневшийся, не замечая мороза, и ничего не понимал. Я не верил тому, что было написано на салфетке, чувствуя себя оскорбленным и униженным.

Потом я долго ехал в метро, в автобусе, электричке. И только выйдя на маленькую платформу «Новодачная», понял, что она хотела сказать. Она оберегала нас от будущего. Она не верила в него, боялась его и решила, что этому будущему не надо сбываться.

Больше я в это кафе не ходил. Я, наверное, тоже испугался этого будущего. Корю ли я себя за ту трусость? Об этом я писать не буду. У всех нас есть «скелеты в шкафу». Этот, наверное, не самый большой.

Прошло несколько лет, я стал о себе не такого высокого мнения, и однажды мне в голову пришла неприятная мысль:

может, она написала то, что думала, а не то, что мне хотелось прочитать между строк.

Как теперь это узнать?

Мужчины

Бес

Седина в бороде, бес в ребре, а тебе надо на работу ехать!

Секреты

Если у мужчины есть любовница, то это секрет. А если у него нет любовницы, то это еще больший секрет!

Любить Софи Лорен

Услышал, что мужчины любят не женщину, а свое состояние влюбленности. Так, может, нам не морочить головы реальным женщинам, а любить молодую Софи Лорен?

Стимулы

С каждым годом все труднее быть интересным для окружающих. Я не про внешность, я вообще. Это потому, что уменьшаются стимулы быть интересным.

Так моложе

– Можно я сяду от Вас с правой стороны – так я моложе выгляжу!

– ?

– У меня левое ухо лучше слышит!

С глаз долой

У мужчин часто действует простое правило: «с глаз долой – из сердца вон». Но это не про любовь, конечно, а про быт. Кусок упавшего хлеба, зафутболенный под холодильник, мужчину больше не волнует!

Холостяки

Все холостяки после сорока похожи друг на друга. Они увлекаются психологией, верят в гороскопы и обожают классифицировать женщин.

Мужской совет

Если говорить «ты самая лучшая...», то после слова «лучшая» надо ставить точку. Любое продолжение может быть опасно неправильным пониманием.

Разбитая машина

Вопрос: что делать, если любимая разбила твою машину?

Ответ: спросить, как она себя чувствует.

Женщина всегда права

Женщина всегда права. Даже если она не права. Если ты это не понял, то никогда не женись.

В цветочном магазине

Цветы распускаются не для нас, а для пчел, бабочек и мух.

Вот такие философские мысли одолевают мужчин в цветочных магазинах.

Было...

Не пьет, не курит, не наркоман, не гуляет, не ворует, не играет в карты и в компьютерные игры. И еще молод и здоров! У каждого из нас был такой период в жизни!

Хобби

Рыбалка, охота, ремонт своей машины, филателия, коллекционирование... Что только не придумывают мужчины, чтобы сбежать из дома!

Тату

– Тебя могут физиологически заинтересовать женщины, покрытые тату?

– Ну... разве что в темноте, на ощупь...

– Аналогично! Я думаю, что они так предохраняются от таких как мы: несовременных, замшелых.

Поддержка

Саша режет арбуз и ворчит:

– Все ходят и предлагают моральную поддержку. Хоть бы одна зараза предложила аморальную!

Сорок лет

Лена Миро написала, что настоящие женщины должны избегать сорокалетних мужиков, не имеющих ни денег, ни власти. Как хорошо, что мне не сорок!

Возраст

С каждым годом я все лучше понимаю, как надо было жить раньше.

По улице

Иногда идешь по улице, смотришь на мужчин и начинаешь понимать лесбиянок.

Зависть

- Ты разве не завидуешь молодым?
- Нет, им еще предстоит совершить массу глупых ошибок, а у меня это уже пройденный этап.

Моральный кодекс

- Ты помнишь моральный кодекс строителя коммунизма?
- Да, я тогда сразу понял, что в строители не годюсь.

Хроника падающей луны

Эта ночь для луны выдалась непростой. Небо заволочили темные тучи, оставив для нее совсем маленькие окошки, да и те норовили закрыться и лишить огромный город бесплатного романтического освещения. Мы сидели на лавочке в Лужниках и наблюдали за попытками луны пробиться сквозь пелену облаков. В голове у меня кружилось выпитое шампанское и сухое вино. Вино было кислым, даже горячий шашлык не сумел заглушить его вкуса.

– Вино дрянное было, – сказал я, еле сдерживая икоту.

– Да и ресторанишко не очень! – согласилась она, не отрывая глаз от оконного просвета в тучах.

Ветер гнал это окно прямо на луну, и мы ждали, когда дорожки в парке осветятся серым лунным светом.

...Она была самой удивительной женщиной из всех, с кем сводила меня судьба. С ней мне было интересно просто болтать, бродить по ночной Москве, не пытаясь коснуться ее рук и плеч. Очень красивая, но что-то в ней самой, в ее взглядах, жестах, в ее частой внезапной задумчивости было такое, что удерживало мои руки и желания. Она умела держать меня на правильном расстоянии легким пожатием плеч, когда я оказывался слишком близко, и своей улыбкой, когда я пытался отойти от нее подальше. Она преподавала англий-

ский язык в университете, и темой наших разговоров, в основном, были английские и американские писатели. С ней я чувствовал себя совершенно свободно. В отличие от других, эта женщина не ставила меня в дурацкое положение вопросом: «не читал ли я...», ей сразу стало ясно, что я ничего не читал и читать не собираюсь. Мне просто рассказывали о Байроне, Фицджеральде и Воннегуте, рассказывали спокойно, как будто читали лекцию. Я иногда отвлекался, начинал думать о своем, но тогда она тут же прекращала рассказ и спрашивала, чего бы я хотел земного в данный момент.

...Наконец, луна показалась в разрыве облаков, темные дорожки стали светло-серыми, но уже через мгновение тучи снова спрятали луну и дорожки опять погрузились в темноту. Я повернулся к своей спутнице, посмотрел в ее глаза и увидел, что они светятся. Какой-то странный желтый свет шел изнутри, светились ее радужки, оставляя огромные зрачки черными. Она, не мигая, смотрела на меня и улыбалась. Я поднес руку к ее лицу и увидел, что на ладони появились светлые пятнышки. Глаза моей спутницы и правда светились! Мне стало не по себе, я почувствовал, как заколотилось сердце.

– Ты выглядишь каким-то растерянным, – произнесла она, не переставая улыбаться. – Ты что-нибудь хочешь, но стесняешься спросить?

...В первый раз вопрос о моих желаниях прозвучал около подъезда, где она жила. Я набрался смелости и ответил, что хочу выпить чаю на ее кухне. Она молча кивнула, мы вошли в подъезд и долго поднимались в большом лифте, лязгающем на каждом этаже. Я запомнил, что стенки лифтовой шахты были сделаны из крупной железной сетки, покрашенной зеленой краской. Она поморщилась, когда мы вышли на лестничную площадку, и я с грохотом захлопнул дверь. Покачив головой, она показала на часы. Было три пятнадцать утра – я это запомнил. За дверью, обитой темным дерматином, оказалась крошечная прихожая, где на лапах стояла пустая вешалка с большим кольцом внизу, и тремя зонтами, аккуратно разместившимися по кругу.

– Ты не любишь складные зонтики? – спросил я.

– Складные зонтики – это не зонтики. Это недоразумение, которое придумали глупые люди. Они у меня постоянно выворачиваются ветром. Я люблю большие и крепкие. На них даже летать можно, когда ветер сильный.

У нее была двухкомнатная квартира с высокими потолками и неожиданно огромной кухней. Мы прошли в большую комнату. Я попросил ее не включать свет и подошел к окну, выходящему на улицу Марии Ульяновой. Редкие фонари освещали разметку дороги, вдоль которой росли старые деревья. Сюда, до девятого этажа, они не дотягивались, сверху мне было видно, как качаются их ветки от ночного ветерка. Над крышами соседних домов светила молодая луна.

– Романтично?

Она подошла и встала рядом. Я слышал ее дыхание, ощущал тепло ее тела. Мне показалось, что у нее проснулось желание, и я попытался ее обнять.

– Ты хотел чаю? – очень спокойно спросила она, не делая попыток освободиться.

Я отпустил ее и кивнул. Мы прошли в кухню, она усадила меня за большой стол, покрытый светлой клеенкой с мелкими цветочками, и зажгла газ под синим чайником с отбитой эмалью на носике. Вся посуда и кастрюли на кухне были старыми, но в хорошем состоянии.

– Это мне все от родителей досталось, – сказала она, перехватив мой блуждающий взгляд. – Когда у меня появится богатый муж, то все это заменю.

Она показала рукой на белые стенные шкафчики, на эмалированную раковину, на мусорное ведро, на кромке которого сидел большой рыжий таракан и спокойно шевелил усам. Она тоже увидела таракана, но не сделала и шагу, чтобы прогнать его.

– Тараканов тоже будет богатый муж травить? – поинтересовался я.

– У меня для мужа целая программа разработана! Тараканы – это мелочи, нужно крышу на даче менять, вот это посерьезнее будет. Кстати, ты умеешь менять шифер на крышах?

Теоретически я знал, как это делать, но отрицательно покачал головой. Мне вдруг захотелось уйти из этой квартиры

и поскорее оказаться в своей комнатухе в большом кирпичном доме около гостиницы «Спутник».

Она налила чай в высокую белую чашку, вынула из холодильника розетку с малиновым вареньем, отрезала ломтики российского сыра, положила их на маленькое блюдце с золотой каймой, и поставила передо мной.

– Хлеба у меня нет.

Она села на стул напротив и стала смотреть на мои руки.

– Я никогда не буду богатым, – сказал я, размешивая варенье в чашке. – И проблемы с тараканами, шкафчиками и шифером ты будешь решать не со мной.

– Я знаю и никогда не выйду за тебя замуж. И не потому, что ты бедный. Я бы могла тебя сделать богатым, но вижу, что тебе не интересны мои шкафчики, мой шифер и мои тараканы. И еще тебе не интересны мои любимые писатели, а значит, тебе не интересна я. Тебе будет скучно со мной, а мне с тобой.

Я допил чай и взял ее за руки. Пальцы у нее были холодные, я попытался их согреть, но почувствовал, как леденеют мои ладони.

– Не пытайся меня согревать! – улыбнулась она. – Для этого я сама должна немного оттаять, но сейчас я этого не хочу.

– Мне уйти? – спросил я.

– Обычно мужчины всегда решают это сами.

И я ушел. Ушел, чтобы никогда не видеть ее, забыть ее ледяные пальцы и таракана на кромке мусорного ведра.

... – Ты слышишь меня? – спросила она и приблизила свое лицо почти вплотную к моему.

Я с удивлением заметил, что она приоткрыла рот и облизала губы, будто готовя их для поцелуя. Исходящий из ее глаз свет стал тускнеть, вскоре я уже не мог отличить ее зрачки от радужек. Мутная луна светила сквозь тучи, я видел только черные пятна посреди ее глаз, которые казались немного таинственными, но уже не такими страшными.

– У тебя глаза светились! – сказал я.

– Я знаю. Это от полной луны, я ловлю ее свет, а он не хочет держаться во мне, – она говорила так же размеренно и равнодушно, как будто рассказывала мне биографию очередного писателя. – Ты не бойся, в остальном я нормальная женщина, ты даже можешь поцеловать меня.

Она коснулась влажными губами моей щеки. Я почувствовал, что ее губы были теплые и очень мягкие.

– Поедем ко мне! – прошептала она мне на ухо. – Мы столько знакомы, а ты меня боишься, как мальчишка.

Я с удивлением смотрел на нее. Все это было очень странным. Станным был ее утренний звонок, когда она сказала, что хочет поужинать со мной в ресторане. Станным был ее выбор этого дешевого ресторана в Лужниках. Станным было ее поведение в ресторане, когда она пила бокал за бокалом шампанское, запивая его вином из другого бокала. Станным было ее желание посидеть на лавочке и посмот-

реть на луну.

Я взял ее за руку и почувствовал необычную теплоту.

– Ты оттаяла?

– Это ненадолго! – сказала она и встала. – Пошли быстрее ловить такси.

– Почему ты так торопишься?

– Луна падает!

Луна и правда опустилась ниже и уже почти касалась верхушек деревьев, растущих на аллее.

– Ты оттаиваешь только когда полная луна? – догадался я.

– Не говори глупости. Ты начитался не тех книг. Как может мертвая луна кого-то оттаять?

Я сидел и смотрел на нее. Она всегда была красива, а сейчас, когда луна вдруг опять показалась из-за туч, она стала невыносимо прекрасной! Светлые волосы длинными локонами легли на плечи, бледное лицо светилось, выделяя огромные темные глаза. Ее платье, казалось, впитало в себя цвет черной августовской ночи, нежный свет луны, переливы теней от деревьев, запахи ночных цветов и свежесть ветра. Я смотрел на нее и понимал, что она сейчас уйдет, и я больше ее не увижу. Она с укором смотрела на меня, но я не мог идти за ней, я был другой и никогда не стану таким, как она. И дело не в шифере и не в кухонных шкафчиках. И даже не в том, что я не мог собирать лунный свет. Я просто не знал, как буду отогревать ее пальцы, если вдруг она не захочет их оттаивать, не мог представить нас вместе, и она это

поняла. Я видел, что она уходит по шуршащему гравию, звуки ее шагов становились все тише. Вот она дошла до поворота, и тут мне показалось, что она стала подниматься над землей. Внезапный порыв ветра прижал к ней платье, растрепал волосы, потом налетел какой-то странный вихрь, закружил вокруг нее листья, мусор, мелкие камни. Все это устремилось длинным изогнутым конусом туда, где яркое лунное пятно падало в листву далеких деревьев. И она исчезла.

Вскоре все стихло. Я видел, как бесшумный ветерок уносил по аллее мелкие листья, щепки, бумажки, как бы стирая следы вихря. Там, где только что была она, я увидел светлое пятно. Это был последний вздох луны, которая на моих глазах упала еще ниже и погасла.

На следующее утро я долго лежал в кровати, пытаюсь преодолеть головную боль и понять, было ли случившееся вчера наяву или это мне приснилось. Я набрал ее номер, долго слушал длинные гудки, положил трубку и решил больше не звонить.

Женщина с мужчиной

Сегодня мой день

- Я иногда утром просыпаюсь и чувствую, что сегодня мой день! И тогда все у меня получается, все мужчины мои.
- А зачем тебе все мужчины?
- Я им мщу за то, что в другие дни они на меня не обращали внимания.

Думы о будущем

- Ты должен взять меня на содержание.
- Тебе разве нужны деньги?
- Нет, но мне нужна уверенность в будущем.

Передумала обижаться

- Вот тебе новый плащ.
- Спасибо, плащ чудесный, но ведь ты хотела на меня обидеться!
- Хотела, но потом купила плащ и передумала.

Предложение

- Почему ты не делаешь мне предложение?
- Ты разве пойдешь за меня?
- Конечно, нет, но предложение ты вполне мог бы сделать.

Учительница английского

– Я могу любого козла научить английскому за месяц.
Но только за деньги или по любви.

Самозащита

– Я могу удовлетворить любого мужчину на расстоянии,
просто сидя в кресле в другом углу комнаты.
– Это у тебя такая самореклама?
– Это такая самозащита.

Помощница

– Марина, как ты его терпишь? У вас в ванной плавают баллоны для катамарана, на кухне слесарная мастерская, а в комнате сборочный цех, пошивочная мастерская и склад.
– Я его не терплю, я ему помогаю.

Романтический вечер

Дождь к вечеру усилился и стал барабанить в оконные стекла.
– Давай разожжем камин, откроем бутылку вина – будем пить и смотреть на огонь!
– Давай, только сначала пропылесосим и запустим стирку.

Луна

Солнце спряталось за горами, небо потемнело, из моря стала подниматься большая желтая луна.

– Смотри, – сказала женщина, – луна зовет нас порадоваться наступающей ночи.

Мужчина допил коньяк из пузатого бокала и кивнул.

В Париж

– Поедешь со мной в Париж?

– С удовольствием! А ты собираешься в Париж?

– Нет, но мне интересно было узнать.

Любовь в кастрюле

– Как у тебя получается такое великолепное чахохбили?

– Очень просто. Я беру нужные ингредиенты, добавляю любовь и все получается.

– Да... А курицу ты тоже любимую берешь?

О правильности

Как часто, только попробовав, можно понять, что есть «правильно» или «неправильно».

Двое мужчин наблюдают как женщина хочет натянуть маленькую простыню с резинками на кровать размера «кинг».

– И не пытайся, не получится.

– Надо попробовать, вы лучше помогите!

Мужчины помогают. Простыня трещит.

– Попробовала?

– Да, но только я не поняла, зачем вы простынь порвали?

Существовать

– Я уверена, что атомов не существует. Ведь их никто не видел.

– А если я уйду и никогда с тобой больше не встречу, то я тоже перестану существовать?

– Для меня – безусловно! Зачем ты мне такой, невстречающийся?

В магазине

– Вот думаю... У одного ноутбука четырехъядерный процессор, частота 2.5 ГГц, терабайт на диске, 8 Гигов оперативной памяти... А у другого...

– Бери другой.

– ?

– Он синенький!

Жарко

– Я сяду в тенёк под пальму и буду всё обзирать.

– Что ты будешь делать?

– Отстань, мне жарко и лень длинные слова выговаривать.

У озера

– Смотри, на озере белые бурашки.

– Может барашки?

– Барашки на лугу, а на озере бурашки.

Приглашение в ресторан

– Я хочу пригласить тебя в ресторан. Но только ты не чувствуй себя чем-либо обязанной после этого.

– Главное, чтобы ты себя так не чувствовал.

Без охов и ахов

Однажды я гостевал в Бостоне у знакомой. Вечером мы приехали на какой-то обрыв, откуда открывался фантастический вид огней города.

– Только без охов, ахов и соплей, – предупредила меня знакомая, увидев, что я собираюсь открыть рот.

– Видали мы огни и получше! – пришлось сказать мне. – Я помню Дом мебели на Ленинском проспекте в Москве горел, вот это было красиво!

Жизнь собачья

– Там все было потрясающе!

– У тебя всегда все потрясающе.

– Нет, не все. Жизнь собачья.

– А разве бывает, что все и везде потрясающе, а жизнь собачья?

– Бывает, что все детали замечательные, но собранная из них машина отвратительна.

Не туда смотрите

Занимаюсь извозом.

– Мне, пожалуйста, туда.

– Девушка, вы сидите сзади, и я не вижу, куда вы показываете.

– Это потому, что вы на меня совсем не смотрите.

О чем ты думаешь?

– О чем ты думаешь, надеюсь, обо мне?

– Да, теперь уже о тебе.

Еще лучше

– Ты малину будешь? Тебе оставить?

– Нет, доедай спокойно.

– Я хотела, как лучше...

– А получилось?

– А получилось еще лучше.

Голова болит

– У меня что-то голова разболелась. А у тебя?

– Пока нет, вроде бы.

– Это не по-товарищески.

– Ты имеешь в виду, что пропала общая тема для животрепещущих разговоров?

Перепелкин (повесть)

Как все началось

Перепелкин – мой сосед. Впрочем, сосед – это понятие условное. Мы сейчас живем в Чикаго, а там соседи – все, до кого можно доехать за полчаса. Главное, что мы с Перепелкиным часто вместе выпиваем.

Перепелкин краток в речах, быстр в застолье и задумчив в остальное время.

– Слушай, – сказал он как-то после глубокого раздумья. – А я ведь твой блог читаю.

– Ну и что? – спросил я.

– Ты обходишь острые углы, а я нет, – ответил Перепелкин.

– У тебя есть блог? – удивился я.

Представить Перепелкина, работающим за компьютером, мне было трудно. Он приехал в Америку с твердой мыслью, что всяким там ученым-инженерам хрен найти хорошую работу по специальности, поэтому он сразу будет ориентироваться на физический труд, который прекрасно ценится в любой стране. Высшее техническое образование ему не мешало, а даже помогло стать электриком. Компьютер он себе купил, но пользовался им только бродя в виртуальном пространстве, которое он называл «помойкой человеческого мышления».

— Блога у меня нет, но есть записки с мыслями и наблюдениями, — серьезно произнес Перепелкин. — Разобраться в них невозможно, но я могу тебе рассказывать, а ты выбирай что получше и публикуй. Только меня упомяни. А назови все это: «Рукопись, найденная в Сарагосе». Хотя — это уже было. Кстати, а Сарагоса — это где?

— В Караганде? — предположил я.

— В Караганде я был, — задумчиво сказал Перепелкин. — Только рукопись не оттуда.

Прошло время. Оно всегда проходит, но на этот раз оно прошло не бездарно. Я честно записывал рассказы Перепелкина, убирал крепкие слова и описания постельных сцен. Потом я разбил эти записи на короткие отрывки, нагло отредактировал, кое-где добавил свои комментарии, и получилось то, что вы сейчас читаете.

Детство Перепелкина

О детстве Перепелкин рассказывал мало. Оно у него быстро кончилось. Он с пацанами играл в трех мушкетеров и своей палкой чуть не проткнул щеку Кольке-Портосу. Прибежала Колькина мама и сказала, что Перепелкин такой большой, а все еще идиот. Так Перепелкин ушел из детства и стал большим.

Странное началось у него время. Ни детства, ни взрослости. Время ожидания.

Юность Перепелкина

Юность у Перепелкина началась в туалете его школы. Ему налили стакан водки и дали кусок хлеба с какой-то рыбкой из консервной банки. Перепелкин выпил и понял, что ему многое по плечу. Тут в туалет ворвалась уборщица и закричала, что она по приказу и что надо проверить, не курят ли тут.

– Мы тут не курим! – заверил ее Перепелкин. – Мы ждем тебя, чтобы поцеловать!

И пошел к ней, держа стакан в одной руке и хлеб в другой.

– Мал ты еще целоваться! – фыркнула уборщица и ушла.

Перепелкин почувствовал в ее голосе не только возмущение, но и сожаление. Может, это ему показалось, но Перепелкин понял, что время ожидания прошло. И что надо начинать жить, а не смотреть в окно, как живут другие.

Женская красота

Перепелкин сидел с друзьями и обсуждал, как оценивать красоту женщин.

– Потрогать надо! – сказал Вовка.

– Сбоку посмотреть – и все ясно! – упростил задачу Юрка.

– Неее... – сказал Вовка. – Они подложат чего-нибудь...

Только трогать!

Перепелкин молчал, но в глубине души очень хотел попробовать Вовкин метод.

В кинотеатре

– За коленки ее сразу не хватай! – учил Перепелкина Вовка. – Сначала обними за плечики, типа, в зале холодно и дуется.

В кино пошли всем двором. Перепелкин сел справа от Нинки и начал представлять, как он будет ее обнимать за плечи. На экран он не смотрел, а напряженно думал, когда можно начинать. Наконец, Перепелкин решился и стал просовывать руку между Нинкиной спиной и спинкой сиденья.

– Ты чего? – спросила Нинка и крепко прижала его ладонь к деревяшке сиденья.

– Так ведь дует! – сказал Перепелкин.

– Куда тебе дует? – поинтересовалась Нинка.

– Это в тебя дует! – сказал Перепелкин.

– Кто? – изумилась Нинка.

– Дура ты! – сказал Перепелкин и вытащил ладонь.

Всадник без головы

– Ты читал «Всадник без головы»? – спросила Нинка, когда Перепелкин сидел с ней на лавочке у подъезда и ожидал остальную компанию.

– Намекаешь? – проворчал Перепелкин.

– Нет, ты же не всадник. Просто я вчера дочитала и могу тебе дать почитать.

– Давай! – сказал Перепелкин.

– Приходи завтра после школы, пока родители на работе.

После школы Перепелкин нашел дома начатую бутылку вина, сделал несколько больших глотков и направился к Нинке. Она его встретила в пестром фланелевом халате, черных рейтузах и в красных тапочках с белыми шариками. Волосы были зачесаны назад и заколоты чем-то серебристым. От этого ее щеки казались большими и своей краснотой привлекали внимание.

– Ну, давай твоего безголового, – вздохнул Перепелкин и стал разглядывать обои в прихожей. Обои были как у него в квартире, ничего интересного он не заметил.

– Щас! – сказала Нинка.

Она сходила в комнату и принесла книгу.

– Ну, это... спасибо, – поблагодарил Перепелкин и вышел на лестничную площадку.

Нинка приоткрыла дверь и высунула голову.

– У меня много книг есть! – сказала она.

Перепелкин оглянулся на нее и увидел кусочек белого лифчика в разрезе халата.

– Ладно! – буркнул он и бросился вниз по лестнице.

Телевизор и парк Горького

Каждый день Перепелкин смотрел телевизор. Сначала программу «Время», а потом кино по второй программе. Ему очень нравилось, что в нашей стране все было хорошо, а в других дела шли неважно. От этого в душе не появлялось никакого желания куда-либо ехать. И когда в выходные

Юрий Сенкевич рассказывал о каких-то экзотических странах, Перепелкину было жалко тех, кто там работал и делал репортажи.

– Зачем куда-то ехать! – подтверждал его мысли Вовка. – Мы с тобой лучше в парк Горького на каток смотаемся и там таких чувих подцепим!

Перепелкин смотрел на падающий снег и мечтал, как они подцепят чувих.

– А потом? – спросил Перепелкин самого себя, но Вовка услышал.

– В киношку их пригласим! – сказал Вовка.

И Перепелкин стал думать о киношке.

Мысли Перепелкина

– Ты знаешь, – сказал мне Перепелкин, прочитав написанное. – Получается, что я был какой-то озабоченный и мог думать только о девчонках.

– Ну и что? – возразил я. – В то время мы все думали о девчонках. Наиболее продвинутые думали еще о портвейне, но и они в свободное время думали о девчонках.

– Я еще о книгах думал! – заявил Перепелкин. – Я тогда считал, что книги – это вредное вранье. Прочитаешь о благородном капитане Немо, который помогал бедолагам на необитаемом острове, а потом выйдешь на улицу и узнаешь, что Вовку посадили на пятнадцать суток. И что когда он выйдет, то Сашка с пятого этажа его точно зарежет.

Какой там капитан Немо! Вовка пошел учиться в вечернюю школу и устроился работать в котельной. Нет, уголь в печку он не швырял – там все на газе, чисто и скучно. Как-то раз пригласил Вовка сестру Сашки, Верку, к себе в котельную поболтать и вина выпить. А когда они выпили, то он, конечно, полез к ней под юбку и порвал ее. За порванную юбку Вовка получил в глаз, но выпившая Верка на этом не уgomонилась, а побежала на улицу, встретила знакомого милиционера и сказала, что ее пытались изнасиловать. Вовку повязали и пригрозили сроком. Но дуракам везет. Ему попался хороший следак, который сказал, чтобы он переписал свое объяснение и выкинул все свои сексуальные фантазии и действия. А написать надо было так: шел, споткнулся, ухватился за юбку, она порвалась. А то, что синяк у Верки, так он тут вообще не при делах, она с синяком к нему пришла. А его синяк – это женская месть за испорченный наряд.

Это Перепелкин к тому рассказал, что такие новости и были главными в его жизни. Книжный мир существовал отдельно, речи по телевизору отдельно, школьные и родительские нравоучения отдельно, а вот Вовкины приключения и Нинкина грудь – это было главным.

Кстати, до Нинкиной груди Перепелкин все-таки добрался. Вечером в кустах. Помял он ее сначала через лифчик, потом без лифчика. Нинка была не против. Молчала и даже закрывала лицо руками – типа стеснялась. А Перепелкин мял

грудь и думал, что это ему уже надоело, надо бы прекратить, но вдруг она обидится. Но тут Нинка и ляпнула:

– И что это вас всех туда как магнитом тянет!

Ага, вот тут Перепелкин и завелся. Кого это всех? И сколько у тебя таких было? Я, может, с чистой душой, а ты...

Нинка сказала что-то про козлов, застегнула кофточку и ушла.

Юрка потом объяснил Перепелкину, что надо было делать дальше, но к этому он еще не был готов. Хотелось чего-то чистого. Слово любовь во дворе не приветствовалось, и Перепелкин это думал про себя.

Район на район

Жил Перепелкин тогда на юге Москвы. Были такие острова хрущевских пятиэтажек, которые обрастали белыми девятиэтажными домами. «Пятиэтажники» долго были хозяевами района. Во-первых, старожилы, во-вторых, «девятиэтажники» были хлюпики и лопухи. В школу они ходили через район пятиэтажек и были полностью в их власти. Мишка-боксер придумал брать с одного такого хлюпика по рублю в день. Просто за проход по территории. Где хлюпик доставал этот рубль, Мишку не волновало. Хлюпик иногда пытался пробираться домой окольными путями, но тогда Мишка назначал ему штраф и ставил небольшой синяк под глазом. Хлюпик учился во вторую смену, и его путь проходил ми-

мо лавочки, где в это время тусовалась Мишкина компания. Перепелкин видел, как он сворачивал с дорожки, подходил к Мишке и совал ему в руку мятый рубль.

– Молодец! – говорил Мишка. – Теперь, если что, то ты сразу ко мне! Любого положу и скажу, что он так с утра лежит!

Но через какое-то время «девятиэтажники» перезнакомились, сколотили свою компанию и лафа «пятиэтажников» кончилась – все стали перемещаться группами. Даже хлюпик стал ходить в окружении каких-то лбов и перестал платить Мишке.

Однажды Мишку здорово побили. Даже не побили, а порезали ножом лицо. Когда Мишка вышел из больницы, то он сначала грозился всех «девятиэтажников» закопать под клумбой, но потом как-то уговорился и стал реже появляться во дворе.

Спорт и портвейн

Спортом во дворе увлекались все: составы московских футбольных команд знали наизусть. У каждого игрока была кличка, которая отражала его поведение на поле и в жизни. Перепелкин тоже играл в футбол. Был в их районе какой-то пустырь, где собирались что-то построить, но или забыли, или передумали. Они там играли в футбол, выясняли отношения и пили портвейн. Портвейн был дешевым и противным, но после выпитого стакана мир становился лучше,

появлялись неведомые силы, и всех тянуло на подвиги. Это кончалось неторопливой прогулкой по одной из улиц, где редкие прохожие старались не приближаться к любителям портвейна.

Попытка первой любви Перепелкина

Да... спорт, портвейн... А все-таки девчонки были на первом месте. И странное чувство, что проходит какое-то важное время, нельзя его упускать, надо торопиться.

Перепелкин с Юркой и Вовкой сходили в Парк Горького на каток и познакомились с тремя девчонками. У приятелей потом ничего не сложилось, а Катя дала Перепелкину правильный телефон, и он смог ей дозвониться. Катя была крупной, черноволосой, яркой. Перепелкин представлял, как целует ее пухлые губы, и ему от этого становилось тепло и радостно.

– Привет! – ответила Катя по телефону.

– А я боялся, что ты дашь неправильный номер, чтобы я отвязался.

– Нет, ты мне понравился, и я решила не врать.

У Перепелкина застучало сердце.

– И ты мне тоже очень понравилась, я о тебе сегодня полдня думал.

– И что придумал?

– Решил тебя в театр пригласить!

– Ого! И в какой?

– В Театр Сатиры!

– Ну, давай! Я там ни разу не была, приобщусь к культуре.

В театре они сидели рядом, и Перепелкин видел, что Кате скучно. Она была в обтягивающем коротком черном платье и толстых черных колготках, которые она почти непрерывно поглаживала на коленях. После первого отделения они решили уйти, чтобы просто погулять. Было тепло, шел мелкий мокрый снег, они шли по Садовому кольцу и молчали. Перепелкин не знал, о чем говорить со своей новой подругой. На все вопросы Катя отвечала кратко и с непонятным смешком. Перепелкин попытался обнять ее за плечи, но так идти было неудобно и они пошли рядом, взявшись за руки.

– Поехали на Каширку! – вдруг предложила Катя. – У меня там сестра живет, там тоже можно погулять, а то тут машины шумят.

На Каширке Катя потащила Перепелкина в подъезд высокого дома, они зашли в лифт и поднялись на самый верхний этаж.

– Надо было конфет купить для твоей сестры, – промямлил Перепелкин.

– Не надо, – сказала Катя, когда они вышли из лифта. – Я тут знаю укромное местечко, пошли.

Они поднялись куда-то выше, Катя прислонилась к двери, ведущей, наверное, на чердак, и расстегнула пальто.

– Тут тепло! – сказала она.

Перепелкин тоже расстегнул пальто, и они стали цело-

ваться. Целовались долго и неумело. Потом Перепелкин оторвался и посмотрел на Катину лицо. Помада на губах размазалась, мясистые щеки пылали и казались темными в этом «укромном» уголке.

– Ты чего? – спросила она. – Испугался?

Перепелкин вдруг понял, что дальше ему неинтересно. Что он никогда не полюбит эту Катю. И что ему неинтересно, с кем еще она целовалась возле этой чердачной двери. Не было ревности, не было чувства, не было желания. Вернее было желание уйти отсюда и никогда ей больше не звонить.

Катя все это почувствовала и стала застегивать пальто.

– Станный ты какой-то, – сказала она. – Но, дело твое. Соскучишься – звони. Я к сестре, а ты куда хочешь!

И она ушла.

Перепелкин потом часто вспоминал этот вечер, жалел, что остановился на самом интересном месте, но Кате не звонил.

Перелом

В последний школьный год к Перепелкину неожиданно пришла взрослость. Нет, ума не прибавилось, но он вдруг потерял интерес к дворовым посиделкам, выяснению, кто в какой компании и какие у кого с кем отношения.

Откуда это пришло – Перепелкин не знал. Просто он однажды проснулся и стал думать. Думать в таком возрасте было сложно. Чего-то голове не хватало: то ли знаний, то ли

опыта, то ли извилин... На ум приходили афоризмы и мудрости посиделок. Воспроизвести их на бумаге невозможно. Перепелкин не вспомнил ни одной, где все слова были бы литературные. А если перевести «посиделкины» мудрости на литературный язык, то получалось тоскливо и нравоучительно.

Вот это была первая мысль, которая сформулировалась в то утро: вся философия жизни Перепелкина не может быть описана литературным языком!

Воодушевленный, он стал думать дальше, но вторая мысль так и не родилась. Но и этого ему хватило. Перепелкин понял, что надо что-то менять, и решил сходить в районную библиотеку.

Комментарий автора

Я не стал публиковать многие рассказы Перепелкина о том времени. Там были еще девушки, драки с «девятиэтажниками», описание посиделок в подъезде на ступеньках. Читатель легко все это может представить и без моего знакомого. В его рассказах ничего не было о родителях и учителях. Я так понял, что их роль в жизни Перепелкина была минимальной. Родители ему не особенно мешали, и в благодарность он тоже старался не часто попадаться им на глаза. Жизнь его катилась без особых надрывов и переживаний. И тем более удивительным показалось мне его утро, когда Перепелкин подумал, что живет как-то не так.

Перепелкин в библиотеке

В библиотеке Перепелкин увидел худенькую девушку-библиотекаря с зачесанными назад светлыми волосами, огромными зелеными глазами, маленьким носиком и непропорционально большим ртом. Больше никого в библиотеке не было.

– Вы новенький? – спросила библиотекарь, наблюдая растерянность Перепелкина.

Ему было от чего растеряться. За спиной девушки уходили в темноту огромные полки с книгами, справа стояли столы с уютными лампами. Лампы были старыми, времен молодости его родителей, со стеклянными абажурами и массивными подставками. Стулья были обиты чем-то светлым, на подоконниках стояли цветы, занавески были чистыми, не пыльными, как могли бы быть в казенных заведениях.

– Уютно тут у вас, – сказал Перепелкин. – Чисто и нет никого.

– Вечером придут, – пояснила девушка. – У меня очередь на литературные журналы, за ними все сюда ходят.

– А что там пишут такого? – удивился Перепелкин.

– Там стали печатать то, что давно написано. А что вас интересует?

Перепелкина вдруг перестали интересовать книги. Он смотрел на девушку и чувствовал, что она удаляется от него. Странное такое ощущение. Сидит девушка за столом и по-

степенно становится какой-то далекой, недоступной. Слишком уж она была хороша! Перепелкин посмотрел на свои ботинки, забрызганные грязью, и ему стало совсем не по себе.

– Как вас зовут? – вдруг спросил он.

Это даже не он спросил, а кто-то другой, кто сидел в нем и верил в чудеса. На вид девушка казалась ровесницей Перепелкину. Он увидел, что она немного покраснела.

– Наташа, – почти прошептала она.

– А меня Денис, – сказал Перепелкин и протянул руку.

Наташа коснулась его руки, потом резко отдернула свою и стала листать какой-то журнал у себя на столе.

– Так что вас интересует? – спросила она, не поднимая глаз.

– Я сегодня решил начать новую жизнь! – ляпнул Перепелкин. – Мне бы руководство какое!

Большого идиотизма он придумать не мог. Вернее, Перепелкин вообще не мог ничего тогда придумать. Слова рождались без его контроля.

Наташа подняла глаза и улыбнулась.

– А чем вас не устраивала старая жизнь?

– Пиво, портвейн, водка, плохая компания, женщины...

– Карты, шальные деньги? – продолжила Наташа.

– С деньгами швах! Не хватает даже на портвейн!

– Вам нужна буржуазная книга «Как стать миллионером»?

– Нет, мне бы о смысле жизни. Может, тогда и миллион не понадобится.

– Говорят, что смысл жизни в любви.

– Ну тогда давайте про любовь. Вам лично что нравится? Наташа задумалась.

– Пожалуй... «Дворянское гнездо» Тургенева. Но там больше про женскую любовь. Но это мое понимание...

– А если не про любовь, а про цель жизни? Чтобы утром просыпаться и не думать, зачем этот день мне нужен? Или точнее: зачем я нужен этому дню?

– Рановато у вас такие мысли появились!

– А у вас есть цель в жизни? Вы сами видите ее смысл? По утрам вас ничего не мучает?

«Нет, зря я так спросил! – подумал Перепелкин. – Какая у нее цель в жизни, что я привязался к человеку?».

Но Наташа заулыбалась.

– Мучает будильник. И чувство долга. А цель у меня не глобальная, а простая, текущая. Я хочу накопить денег и поехать с подругой в августе на Черное море. Я там была уже два раза и мне очень понравилось!

Перепелкин почувствовал, как в сердце что-то кольнуло. Он представил, сколько на Черном море будет желающих познакомиться с девушкой – обладательницей таких огромных зеленых глаз. Он взял какую-то книгу, лежавшую на столе, и стал листать.

– Возьмите «Два капитана» Каверина, – предложила Наташа. – Там как раз про цель в жизни. Или «Монте-Кристо». Там тоже у героя цель, правда, не такая благородная, как

у Каверина.

Вторую книгу Перепелкин читал. И еще смотрел кино «Два капитана». Он стоял и чувствовал, что теряет время. Никаких книг брать с собой он не хотел, а о чем говорить с Наташей дальше, не знал.

– Я потом зайду! – сказал Перепелкин. – Когда пойму, что мне надо: цель в жизни или понять ее смысл.

На улице моросил осенний дождь. Перепелкин шел домой, не обращая внимания на лужи, и вспоминал огромные глаза Наташи.

«Дурь какая-то! – думал он. – Что я там наболтал, куда меня понесло?».

Если честно, то ему хотелось выпить полстакана портвейна и лечь спать, чтобы забыть и дурацкое философское утро, и Наташу, и это чертову библиотеку, куда его занесла какая-то нечистая сила.

Тем временем дождь усилился, и Перепелкину пришлось прибавить шагу.

Новая жизнь Перепелкина

На следующий день Перепелкин стал прислушиваться, о чем говорят учителя. Синус от косинуса он отличал с трудом и вообще был уверен, что для нормальной жизни можно обойтись без этих премудростей. На уроках литературы они, как оказалось, уже перешли к советскому периоду и изучали Маяковского. Перепелкин взял у Тamarки, соседки по пар-

те, томик его произведений и нашел там стихи про любовь. Оказалось, что это состояние, когда хочется с утра до ночи рубить дрова. Перепелкин ткнул пальцем в это место и спросил Тамарку, что это значит. Та ответила, что Перепелкину этого никогда не понять, и отобрала книгу.

В библиотеке он больше не был. Один раз попытался встретить Наташу после работы, прождал ее около часа, спрятавшись за голый куст сирени. Она вышла не одна, с ней шел какой-то парень в куртке-«аляске». Он ей что-то рассказывал, Наташа смеялась и заглядывала ему в глаза. Перепелкин долго смотрел им вслед и ругал себя за мягкотелость и дурацкие мечтания.

На посиделки Перепелкин больше не ходил, да они и сами как-то распались: кто-то ушел в армию, кого-то посадили, кто-то занялся непонятными делами. Однажды в ноябре Перепелкин встретил Юрку и рассказал про свой поход в библиотеку и про Наташу.

– Ха! – ухмыльнулся тот. – Наташку все знают, кроме тебя. Она с виду такая тихоня, лягушка лупоглазая. А на самом деле...

Тут он начал перечислять парней, которые за ней ухлестывали и, судя по его рассказу, небезуспешно. Перепелкин прервал друга, заявив, что ему надо в спортзал, и ушел.

Ему и правда надо было в спортзал – Перепелкин записался в волейбольную секцию, чтобы хоть как-то занять время. В тот вечер он выпрыгивал над сеткой и так лупил по мя-

чу, что соперники не принимали его удары, а старались защититься от них. Тренер сказал, что у Перепелкина что-то пошло или на него что-то нашло.

После тренировки Перепелкин вышел на улицу, где ветер гонял последние листья по тротуарам, и почувствовал, что ему обязательно надо напиться. Он шел вдоль домов, где уже горели окна, смотрел под ноги и повторял имена парней, перечисленных Юркой. Вскоре Перепелкин понял, что стоит возле библиотеки. Он заглянул в окно и увидел, что Наташа сидит на своем месте одна, около нее никого не было. Это его слегка успокоило, и Перепелкин отправился домой.

Метания Перепелкина

– Да... – сказал мне Перепелкин. – Как бы хотелось вернуться в те времена и шепнуть на ухо тому обалдую, каким я был, что надо делать, во что верить, чем дорожить... Только вряд ли он кого тогда послушал бы. Ведь жизнь моя в те времена была черно-белая. Хорошо или плохо. Сволочь или отличный парень. Дура или нормальная девушка. Ну и так далее...

– Это проходит, ты сам знаешь, – сказал я. – Ты так и не решился встретиться с Наташей?

– Щас расскажу! – кивнул Перепелкин и продолжил.

Он мысленно метался между рассказом Юрки и огромными глазами Наташи, в которых он видел грусть, а не разгул.

Тот парень в «аляске»... Перепелкин уже давно придумал, что это последний посетитель библиотеки, который просто рассказывал о содержании прочитанного журнала. Перепелкин сам чуть не начал читать скучные книги, о которых слышал от родителей и их знакомых. Была цель – отыскать тему для разговора с Наташей. Иначе он не мог найти ни одной точки, где они могли бы пересечься. Ну не вести же ее в кино, чтобы там хватать за коленки? Угостить ее портвейном в подъезде... Это уж совсем ни в какие ворота. Впрочем, более культурный поход в кафе тоже отменялся – на это у Перепелкина не было денег, а еще он боялся, что там им не о чем будет говорить.

Юрку Перепелкин встретил через пару недель, и тот сам начал разговор про Наташу.

– Выбрось ее из головы! – категорично заявил Юрка. – Я же вижу, что ты о ней думаешь. Только вот слышал, что ее мечта найти богатого жениха, бросить работу в библиотеке и начать путешествовать по курортам и красивым городам. Оно тебе такое надо? К тому же она старше тебя на пять лет!

– Откуда ты все про нее знаешь? – спросил Перепелкин.

Юрка замялся.

– Я как-то сам за ней ухаживал. Думал, так, легкие отношения... Но она меня отшила, сказала, что ей нравятся мужчины, которые старше нее на пять-десять лет!

– Да ты что! Ей нравятся старики?

– Ей нравятся богатые и независимые. А твои финансовые

возможности зависят от доброты твоих родителей.

Юрка потрепал Перепелкина по плечу и ушел. А Перепелкин пошел в библиотеку. Теперь он знал, о чем разговаривать с Наташей.

Опять в библиотеке

Промозглый темный ноябрьский вечер. Дождя нет, но в воздухе ледяная сырость, от которой нет спасения. Перепелкин стоял у окна библиотеки, дрожал от холода и ждал, когда два пенсионера закончат рассказывать Наташе о содержании прочитанных журналов. Наконец Наташа осталась одна и стала разбирать книги, сваленные в корзину на тележке. Перепелкин сделал глубокий выдох, растер лицо руками и открыл дверь.

– Ой, – улыбнулась Наташа и села за свой стол. – Мороз Красный Нос пришел!

Перепелкин потрогал нос и улыбнулся.

– Это не мороз. Я же говорил: вино, женщины...

– У тебя такая интересная жизнь, а ты в библиотеку приходишь! Тут ни вина, ни женщин.

– А ты?

Они в этот день как-то незаметно перешли на ты, и им обоим это нравилось.

– Тут я не женщина, а ответственный работник!

– А когда ты станешь женщиной?

– Через полтора часа, не раньше.

– И потеряешь хрустальный башмачок?

– Ни-ко-гда! Но вот вместо кареты с лошадьми точно будет тыква с мышами. Или ты сказочный принц на белом коне в триста лошадиных сил?

– Нет, у меня одна сила.

Перепелкин с удовольствием напряг руку и дал Наташе пощупать мускулы.

– Ты крепкий! – оценила Наташа силу Перепелкина. – А ты решил, что будешь читать?

Перепелкин отрицательно покачал головой:

– Я не буду брать у тебя книги.

Наташа рассмеялась.

– Представь пустыню Сахара...

– Ну? – представил Перепелкин.

– Солнце палит, жарко! И на вершине далекого бархана находится кафе, где продают холодный лимонад и мороженое.

– Ну? – снова представил Перепелкин.

– И вот ты, изнемогая от усталости и жажды, идешь с бархана на бархан, с трудом взбираешься на последний, открываешь дверь в кафе и говоришь...

– Чего? – заинтересовался Перепелкин. – Мне ванильное? Три шарика?

– Нет, – засмеялась Наташа. – Ты говоришь, что тебе тут ничего не надо и уходишь!

– Не понял, – сказал Перепелкин. – А зачем тогда прихо-

дил?

– Вот это я у тебя хотела спросить. В такую погоду плестись в библиотеку и сказать, что книги тебе не нужны?

Перепелкин сначала захотел обидеться и уйти, но потом сделал три глубоких вдоха и выпалил:

– Я хотел тебе сказать, что у меня теперь есть цель в жизни!

Наташа поставила локти на стол и стала внимательно смотреть Перепелкину в глаза. Перепелкин молчал.

– Ну? – подбодрила его Наташа.

– Я хочу стать богатым, чтобы моя жена могла ездить по курортам и красивым городам!

Наташа молчала. Перепелкин почувствовал, что ему срочно надо вытереть нос. Платка в кармане не оказалось. Шмыгнув носом, он продолжил:

– А потом ей надоест путешествовать, я куплю ей большой письменный стол, вот такую лампу, как у вас, она будет сидеть за этим столом и писать книгу о своих путешествиях.

Наташа вынула носовой платок, промокнула уголки глаз и спросила:

– А когда ты разбогатеешь?

Перепелкин вздохнул.

– Я пока только цель определил. Сроки – это потом.

– Твоя цель сделать жену счастливой? А ты сам что хочешь?

– Мне ничего не надо... Я привычный к скромности.

– А как же вино, карты, женщины?

– Придется всем пожертвовать.

Наташа замолчала и стала смотреть в темное окно, за которым шелестел замерзающий дождь.

– Я не знаю, зачем это тебе сказал. Просто хотелось.

Наташа кивнула, не сводя глаз с окна. Перепелкин постоял и пошел к выходу. У двери он оглянулся. Наташа смотрела на него, не мигая.

– Ты запомни, что я сказал! Так, на всякий случай.

Наташа кивнула, и Перепелкин вышел на улицу.

Разговор с автором

– Ну ты прямо в угол себя загнал! – сказал я.

Мы сидели за столом на берегу озера под большим дубом и пили пиво. Перепелкин задумчиво смотрел на волны, которые ветер гнал к берегу.

– Ведь мужчина должен выполнять свои обещания перед любимой.

Перепелкин сделал большой глоток и тихо спросил:

– Да, конечно, а если не получится, то что? В петлю?

– Нет, в петлю – это трусость. Но надо до последнего дня стараться.

– А если любимая пошлет тебя куда подальше?

– Тогда ты свободен!

Перепелкин среагировал мгновенно:

– Но есть хитрый ход. Сделать так, чтобы тебя посла-

ли — и ты тоже свободен.

— И такое возможно. Но ты сам понимаешь, что это...

— Понимаю...

— Есть еще вариант, что женищине безразлично, что ты там наобещал.

— Да, тогда ты свободен с самого начала. Чтобы ты ни обещал, все это просто звуки. Как шипение пластинки.

Теперь мы замолчали оба. Ветер усилился и стало слышно, как волны разбиваются о прибрежные камни.

— Если хочешь, то можешь закончить свою историю на этом. Твой второй визит в библиотеку — это поступок. Школьник пришел к взрослой женищине!

Перепелкин молчал.

— Ну, что ты решил?

— Я еще расскажу, а ты сам решай, стоит ли об этом писать.

— Хорошо!

Ветер пригнал темную сизую тучу, и из нее стал накрапывать мелкий дождь. Мы убрали посуду со стола и пошли к машине.

Звонок

Мы ехали с Перепелкиным по узкой сельской дороге. Дождь небольшой, дворники работали вполсилы. По бокам тянулись заросли кукурузы, белые домики, обсаженные соснами, большие сараи, возле которых стояла какая-то сель-

хозтехника, силосные башни с красными крышами. Молчание нарушил Перепелкин. Он начал говорить так, как будто мы прервали разговор секунду назад.

— С другой стороны, такие громкие заявления на всю оставшуюся жизнь — это максимализм школьника. Как и заверения в вечной любви или трагедии из-за косого взгляда девчонки из параллельного класса. Люди постарше просто не обращают внимания на эти страсти.

— Ты думаешь, Наташа не восприняла это всерьез? Она прекрасно поняла, что ты хочешь привлечь ее внимание. А чем еще ты мог ее заинтересовать, кроме своего успеха в будущем и крепких мышц в настоящем?

Перепелкин посопел и продолжил рассказ.

Перепелкину было плохо. Во дворе он залез в детский домик, чтобы спрятаться от дождя, и сидел там, обхватив голову руками. Он вспоминал каждое свое сказанное слово, ругал себя и стонал от бессилия что-либо изменить. Проблема была в том, что Перепелкин не знал, что ему делать дальше.

Поздно вечером позвонил Юрка.

— Слушай, а ты сердцеед, оказывается! Ты знаешь, кто мне сейчас звонил? Наташка из библиотеки! И спрашивала про тебя. В каком ты классе, где живешь, какой у тебя номер телефона.

— А откуда у нее твой номер?

— Ты разве забыл, что я пытался подбить к ней клинья?

Молодая, разведенная, отдельная квартира... Я ей свой телефон прямо на библиотечной книге написал!

– Она была замужем?

– Ага, около года. Короче, поздравляю, с тебя причитается!

Юрка повесил трубку, а Перепелкин долго слушал гудки, не в силах осознать услышанное. Почему-то в руках у него был учебник по химии. Он смотрел на обложку и не мог понять, зачем ему химия в этой взрослой жизни, с которой он сегодня столкнулся.

А через два дня небо раскололось пополам, на свежавшем снегу расцвели цветы, весь мусор с улиц и все невеселые мысли были унесены каким-то сумасшедшим ураганом!

Перепелкин пришел из школы, и тут раздался звонок. Перехватило дыхание у юного «волейболиста». Понял Перепелкин, кто это звонит, но как снять трубку, как сделать два шага к телефону? И что сказать: «аллё» или «слушаю»?

Перепелкин сел на пол и взял трубку.

– Это ты? – спросил он почти неслышно.

А как сказать громко, когда горло как будто перетянута веревкой, когда нет воздуха в легких и невозможно сделать вдох, когда руки влажные и трубка того и гляди выскользнет и упадет на пол.

– Да, это я. Здравствуй.

– А я знал, что это ты звонишь...

– У тебя определитель номера?

– Нет, просто почувствовал...

– А я почувствовала, что ты пришел домой.

– Я думал о тебе и о глупостях, что наговорил.

– Ты берешь свои слова назад?

– Нет, но надо сначала сделать, а не болтать.

– Женщинам нравится, когда так болтают. Они верят, вернее, очень хотят верить.

– Ты веришь?

– Ожидание тоже бывает приятным. Я о своем Черном море думаю целый год. И это тоже радость.

– Так не каждый умеет.

– Я умею.

Перепелкин замолчал. Он никогда ни с кем так не говорил! Мысленно – да. Со многими прекрасными незнакомками, которых он встречал в метро или на улице. А тут...

– Исполнение желаний... – вдруг произнес он.

– Каких желаний? – не поняла Наташа.

– Это я так, думал о своем и ляпнул.

– А о чем ты думал?

– О том, что первый раз говорю с тобой так, как мечтал поговорить.

– Как – так?

– Ну... свободно, что ли... И не надо придумывать тему для разговора!

Наташа засмеялась. Она так хорошо засмеялась, звонко

и мягко одновременно.

– Ты хорошо смеешься.

– Не сердись, это у меня просто настроение хорошее.

– Я не сержусь, я радуюсь.

– А ты знаешь, зачем я тебе звоню?

– Ты хочешь выйти за меня замуж?

– Нет, не угадал. Я хочу в это воскресенье погулять с тобой в парке Коломенское. Ты был там?

– Нет, но метро Коломенское знаю.

– Отлично, вот давай у первого вагона из центра в одиннадцать утра и встретимся!

– Хорошо!

Наташа положила трубку, и с этой секунды жизнь Перепелкина разделилась на две части: до этого звонка и после.

Перепелкин готовится

– Дааа... – сказал я. – *Невероятно! Женищина узнает телефон, звонит первая, назначает свидание...*

Мы выехали на скоростное шоссе, дождь усилился, и теперь дворники работали на максимальной скорости.

– Я не думал тогда, кто кому позвонил. Мне вдруг показалось, что мы знакомы уже тысячу лет. Ну да... был звонок... а как же иначе между старыми друзьями? Невозможно описать Наташкин голос. Она говорила так, как будто я ее лучший друг. Все как-то просто и обыденно.

– Но начало разговора у тебя вызвало кучу эмоций!

– Да... Но после первых ее фраз я успокоился, и стало просто радостно и хорошо.

Перепелкин был озадачен. Коломенское... не могла выбрать что-нибудь попроще?

В субботу он поехал на Калининский проспект, чтобы в книжном магазине полистать путеводители по Москве. Там он выяснил, что самая красивая постройка в Коломенском, храм Вознесения, была воздвигнута во времена Василия Третьего в честь рождения Ивана Грозного, а сам Иван Грозный велел построить церковь Усекновения Головы Иоанна Предтечи. Про Василия Третьего, его жену Елену Глинскую и коварных Шуйских Перепелкин прочитал в учебнике. Но про Усекновение Головы Иоанна информации нигде не было. Перепелкин спросил у родителей, отец что-то вспомнил про сына Ирода, но Перепелкин решил это не запоминать, чтобы не забыть то, что прочитал про русских царей.

Вечером он зашел к Юрке, чтобы поделиться новыми знаниями. К его удивлению, Юрка знал и про Василия Третьего, и про Шуйских, и про «смутное время». Он знал также про Иоанна Предтечу и рассказал Перепелкину эту жуткую библейскую историю.

– А зачем Грозный построил церковь в Дьяково по такому страшному поводу? – спросил Перепелкин.

– Может, он сам любил усекать головы? – предположил

Юрка. – Но тут не это главное!

– А что?

– Эта церковь сейчас почти разрушена, там пусто и страшно. Но если дождь, или снег, или какой другой катаклизм, то там можно спрятаться. Запомнил? Туда вдоль реки тропиночка идет, место приятное.

Перепелкин кивнул. Поездка в Коломенское ему начинала нравиться все больше и больше.

Коломенское

– Давно это было, – сказал Перепелкин. – Сейчас эта церковь как новенькая, там парк, маленькое кладбище, старушки молятся... С горы вид на Москву-реку...

– Деревню Дьяково уничтожили, – сказал я. – Зато деревянный дворец Алексея Михайловича восстановили.

Я оторвал руки от руля и изобразил пальцами кавычки.

– Угу, – кивнул Перепелкин. – Но тогда все было более натурально. Впрочем, это неважно.

Перед воскресеньем выпал снег. Перепелкин с Наташей шли по утоптанной дорожке мимо церкви Казанской иконы Божьей матери. У входа толпился народ, идущие рядом с ними останавливались и крестились. Наташа шла молча. Она взяла Перепелкина под руку, прижалась плечом и изредка поднимала голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Наташа была на полголовы ниже Перепелкина, и ему с ней было очень

уютно идти.

Небо стало темнеть, явно ожидалась еще одна порция снега, но ветра не было, воздух был мягкий и спокойный.

– Я сейчас покажу тебе самое красивое здание в мире, – сказала Наташа. – Для меня, конечно. Только тут надо знать секрет.

Она взяла Перепелкина за руку, и они побежали вниз к темной полосе реки. На середине спуска Наташа остановилась и оглянулась.

– Видишь, она летит!

Перепелкин смотрел на белые стены церкви Вознесения, на темные тучи, вокруг золотого креста, на стаю ворон, кружившихся вокруг, и вдруг ощутил, что церковь начала отрываться от своего фундамента и подниматься туда, где вдруг расступившиеся сизые тучи создали кусочек светлого серого неба.

– Вижу! – восхищенно прошептал Перепелкин. – Она и правда летит. Отрывается от земли и летит в небо.

– Правда, гениально?

– Правда!

– А ты любишь меня? Я тебя люблю!

– Я очень тебя люблю!

Перепелкин смотрел на Наташу и видел только огромные глаза с едва заметными морщинками в уголках. Он осторожно взял Наташу за плечи и прижал к себе. Она уткнулась носом ему в грудь и замерла.

Казалось, прошла вечность. Перепелкин целовал Наташины волосы, на которые стали падать огромные мокрые снежинки.

– Нас скоро занесет снегом, и мы будем как две снежные бабы! – сказал он. – Пойдем в церковь Иоанна Предтечи, там можно спрятаться. Ее Иван Грозный построил!

– Сам лично? – засмеялась Наташа. – И по какому поводу?

– Забыл, – признался Перепелкин. – Вчера читал и забыл.

– По случаю своего венчания на царство! – сказала Наташа. – Тебе четверка с минусом!

– Это прекрасная оценка! – воскликнул Перепелкин. – Я сроду таких не получал!

– А ты правда меня любишь?

– Правда!

– И я тебя люблю.

– Но за что? За мои обещания?

– Конечно! Я мечтаю путешествовать. Как я могла устоять.

– А вдруг...

– Никаких вдруг! Обещал и делай. Я уже план составила. Начну я с Парижа и Лондона.

– Говоришь, что любишь, а сразу хочешь бросить меня.

– Не сразу. Я буду ждать твоего отпуска, чтобы поехать вместе. А потом брошу. Мне в этих городах нужно по месяцу жить. Я там каждую улочку хочу изучить. А потом я вернусь и буду писать книгу.

– За столом со старинной лампой?

– Только за таким.

– А где такие лампы продаются? Придется стащить из твоей библиотеки.

– У меня дома есть такая. Там провод сгорел, ее списали, я взяла ее домой, и мне ее починили.

– Кто?

У Перепелкина сжалось сердце.

– Мой бывший муж. Ты прекрасно знаешь, что я была замужем. Юра тебе все рассказал, он болтун, и я была спокойна, что ты все узнаешь от него.

– А чем тебе Юрка не понравился?

– Он думал о себе, а не обо мне.

– А я?

– А ты – не знаю. Думай что хочешь, но я тебя люблю!

– И я тебя люблю! Пошли?

– Куда, в Дьяково? Нет, я надела легкие ботиночки, чтобы быть красивее, и уже замерзла.

– Тогда в кафе?

– У тебя не может быть денег на кафе, а я экономлю для поездки на Черное море.

– Тогда в кино?

– Фу! Не будь таким примитивным. Кафе, кино... Включи воображение, удиви меня!

Перепелкин задумался. Они уже подходили к метро, и он видел, что Наташа иногда топчется на месте, чтобы согреть

ноги.

– Самое теплое из близких мест – это метро, – сказал он.

– Правильно! – сказала Наташа. – Мы сейчас сядем в метро и поедем ко мне. Я залезу в горячую ванну, а ты будешь варить кофе на кухне. Ты умеешь варить кофе?

– Умею взять полную ложку растворимого кофе и разболтать в чашке.

– Молодец! Азы ты освоил. А я научу тебя более сложному способу.

Она прижалась к Перепелкину, и вот так, в обнимку, они стали спускаться по лестнице, на которую ложился свежий мокрый снег.

Мечты сбываются?

Мы подъехали к дому, где жил Перепелкин. Старый трехэтажный многоквартирный дом. Дождь кончился, и мамы вывели детей на улицу.

– Ни одного белого лица, – сказал я.

– Зато дешево, – ответил Перепелкин.

– Но ты неплохо зарабатываешь, – удивился я. – Сам говорил, что днем работаешь в компании, а вечерами и в выходные в русской бригаде по ремонту старых домов.

– Все правильно.

– Погоди... этот дом имеет отношение к твоей истории?

– Самое непосредственное! Вот слушай.

У Перепелкина началась сказочная жизнь. Он не мог поверить, что такое возможно. Поругавшись с родителями, он переехал к Наташе, ходил в школу, бегал по магазинам, покупал продукты и готовил ужин. Он ни за что бы не поверил раньше, что готовить ужин – это счастье! Наташа приходила поздно, залезала под душ, а потом они сидели за столом, не спеша ужинали и болтали. О чем? Это невозможно описать. Они могли час обсуждать, какая холодная погода, как Наташа натерла ноги в новых сапожках, как тяжело стало доставать продукты, почему народ стал терять интерес к книгам.

Школьные экзамены прошли как в тумане. Перепелкин получил аттестат и понял, что ни в какой институт он не поступит. Он устроился работать на стройку, а осенью его забрали в армию.

– Ты будешь меня ждать? – спросил он.

– Сейчас ты в лоб получишь за такие вопросы, – сказала Наташа.

– А если честно?

– Если честно, то не знаю.

– Почему?

– Потому! Я правда не знаю и ничего не обещаю. Вернее, обещаю тебя не обманывать и говорить только правду.

Перепелкин в тот вечер напился, а утром стал солдатом. Наташа писала ему каждую неделю, а через год перестала. Прошел месяц, и пришло письмо. Краткое, на полстранички.

Наташа просила простить ее и отпустить. Перепелкин спросил, куда ее отпустить, но ответа не получил. Когда он вернулся, то Наташа была замужем и жила в большой квартире, которую купил ее новый муж. Библиотеку она бросила и устроилась секретаршей в какую-то фирму. Там, наверное, и работал ее муж, но Перепелкина это не интересовало. Он поступил на вечернее отделение энергетического института, окончил его и уехал в Америку. Как он получил визу – его тайна. Получил и получил. В Америке он семь лет. Семь лет работы по семь дней в неделю.

– И какое это имеет отношение этот дом к твоей истории? – спросил я опять.

Перепелкин достал из кармана записную книжку и показал мне страничку, где был написан номер рейса самолета из Москвы.

Голос его дрогнул, и мне даже показалось, что в его глазах блеснули слезы.

– Ты ведь сам сказал, что надо стараться до последнего дня, – сказал Перепелкин. – А дом... скоро я куплю свой. Двухэтажный.

– И как зовут пассажира? – спросил я.

Перепелкин ничего не ответил. Он вдруг заулыбался, сжал мне руку и вышел из машины.

– Удачи вам! – крикнул я. – И счастья!

Перепелкин опять улыбнулся, помахал мне рукой и пошел

к подъезду.

Женщина с высоты орлиного полета

У моего соседа по лестничной площадке загадочная жизнь. Он – мужчина лет пятидесяти, похожий на бывшего десантника, всегда в камуфляже, крепкий, молчаливый: только «добрый день», когда мы сталкивались у лифта, «спасибо», если я придерживал входную дверь подъезда, и «сегодня неплохая погода» – это уже в нашем ближнем парке. Туда он часто приходил с толстой тетрадью в кожаном переплете, подолгу сидел на скамейке под старой березой, смотрел на облака, иногда делая заметки толстым карандашом.

Пару раз в неделю таинственный сосед утром выходил из дома с большой сумкой и возвращался поздно вечером.

– Серьезный мужчина! – говорили старушки, сидевшие около подъезда. – Женщин не водит, водку не покупает. Писатель, наверное. Или ученый секретный.

Тайна соседа меня очень занимала. На что он живет? Почему один в двухкомнатной квартире?

– Оно тебе надо? – спрашивал приятель. – Он тебе что, жить мешает?

– Не мешает, но хотелось бы знать, что за тип обитает у меня за стенкой.

– Не разочаровывайся! Ну узнаешь ты, что он копирайтер, что у него в квартире мебель времен развитого социализма, а ездит он в какое-нибудь Лыткарино, где у него растет неза-

коннорожденная дочь. А женщин он не водит потому, что ему их кормить нечем.

— Кстати, о женщинах— добавил он. — Как много женщин западают на таких таинственных и молчаливых. А потом узнают, что просто им сказать нечего. Таким таинственным лучше рот не открывать и домой никого не приглашать. Они только издали красиво смотрятся. Вот у меня был случай.

И приятель стал рассказывать.

Как-то прошлой осенью у меня с утра не заладилась жизнь. Кончилась зубная паста, подгорела яичница, заклинула молния на куртке, а мой 17-й трамвай ушел прямо из-под носа. А тут еще и дождь начался. Холодный, въедливый. Я стою, следующий трамвай высматриваю. Вдруг почувствовал что-то, оборачиваюсь, а рядом женщина. В темном плаще, зонтик красный, яркий, как будто среди мрака фонарь загорелся. Улыбнулась, жестом под зонтик позвала. Лет тридцать, лицо усталое, но красивое. Лучики около уголков глаз почти не видны, все внимание на сами глаза — большие, черные. Говорит мне:

— А над тучами сейчас солнце, светло, воздух чистый.

— Там холодно!

— Ну и пусть, зато всегда солнце, дождей не бывает.

— Не любите дожди?

Тут она волосы поправила. Темные, пышные, кудрявые

немного.

– Ненавижу! В дождь прическа совсем никакая становится. Я сама оттуда. Там почти всегда небо голубое.

Машет рукой куда-то на юг и вверх.

– А сюда зачем?

– Иногда пролетаю мимо, приземляюсь. Мне Москва нравится с высоты орлиного полета. Все красиво, ухожено, люди хорошие.

– А если с земли смотреть?

– Я на земле редко бываю. А если бываю, то стараюсь все быстрее забыть.

Вот такая она, летающая с орлами, на нас сверху вниз смотрит. Романтичная, аж дух захватывает! А у меня куртка не застегивается. Куда со сломанной молнией полетишь? Захотелось мне узнать эту женщину поближе. Когда еще такую встретишь, чтоб над облаками летала и зонтиком серость освещала.

– А можно я вам вечером позвоню?

– Не надо.

Стоит, глазами улыбается, а лицо серьезное, строгое. Я таких женщин обожаю. Внутри чертенки пляшет, а сама вроде как недотрога. У меня даже горечь в рту появилась. И так все наперекосяк с утра, а тут еще и она исчезнет. Может, это судьба моя. Будет потом перед глазами стоять, придется мне других женщин с ней сравнивать.

– Я вам тогда свой телефон оставлю. Меня Андреем зовут.

– Не надо, Андрей, – говорит. – Мы хорошо поговорили, лучше уже не будет.

Я стою и ничего не понимаю. Мы только-только разговаривать начали, а уже поговорили.

Тут наш трамвай показался. Я пропускаю ее вперед и вижу огромное грязное пятно у нее на плаще. Тут меня как киятком ошпарило! Вся романтика улетучилась. Сразу подумал, хорошо, что продолжения не будет.

Андрей замолчал.

– Что это ты так? – спросил я. – У тебя просто настроение было паршивое. Может она нечаянно села на грязную скамейку, с кем не бывает.

– За облаками грязных скамеек нет. Ведь я уже представил, как она летит из солнечного южного города, подлетает к Москве, кружится над ней, видит меня, спускается к трамвайной остановке...

– Вот только не надо больше про пятно. Похоже, что ты ее тоже разочаровал. Не вписался в ее красивый полет со своей сломанной молнией.

– Мы оба не вписались. Это я всё к тому, что лучше не разгадывать никаких тайн, не знать о грязных плащах, где покупают волшебные зонтики, что написано в чужих тетрадах. Кто-то летает, кто-то уезжает на целый день неизвестно куда. Эти тайны хороши, пока они неразгаданные. Ты согласен?

Я промолчал. К тайне соседа добавилась тайна женщины

из южного города. Кто же она такая, чтоб отвергнуть ухаживания Андрея? По его словам, ему ни одна женщина не отказывала. Теперь буду думать и об этом. Мою жизнь украшают только разгаданные тайны. Я ведь по земле хожу, с орлами не летаю.

Свидание

Ей под сорок, и она устала. Устала принимать решения, устала думать о деньгах, копать грядки на даче, носить тяжелые сумки, устала беспокоиться о сыне. У нее много друзей, все ей готовы помочь, но однократно. А ей надо решать проблемы каждый день.

– Я знаю мужика, который тебе поможет. Он одинок, богат и симпатичен. И он никогда не был женат. Познакомить?

– Не был женат... нет, не надо. А впрочем, давай, я посмотрю.

Они сидят у меня на кухне, едят жареную картошку, мясо и пьют разведенный спирт с клюквой.

– У нас в лаборатории по-другому готовят «клюковку», – говорит он.

– Дараган вообще ничего не умеет, – говорит она. – Но он добрый.

– Он мне хорошие жизненные советы давал.

– Вы его не слушайте, он в жизни ничего не понимает, но он добрый.

– Но он все правильно подсказал.

Я сижу молча и вспоминаю эти советы. Он как-то попросил меня оценить темперамент его знакомой. Я посмотрел и сказал, что тут оценивать нечего по причине отсутствия такового. Надеюсь, что он не будет сейчас рассказывать эту

историю.

– У вас есть жизненные принципы? – она пытается под-
держивать разговор.

– Есть! – обрадовался он и начал перечислять.

Я в ужасе закрываю глаза и, стуча зубами, выпиваю пол-
стакана «клюковки». Дальше я изображаю из себя пьяного
идиота и пытаюсь перевести его рассказ в шутку. Она сме-
ется.

– Мальчики, вам весело. Оставайтесь, тут еще полбутыл-
ки, а я за рулем. Я, пожалуй, пойду.

Я провожаю ее до лифта.

– Ты что, уходишь из-за его принципов?

– Нет, он носит подтяжки, гладит джинсы и полирует ног-
ти пилочкой.

– Ну и что? Ты знаешь, какая у него зарплата?

– Мне это не интересно. Я другое осознала, глядя на вас.
Вы оба с таким восторгом смотрели на мой вырез в кофточ-
ке, что я поняла: у меня еще все впереди! Без подтяжек и гла-
женных джинсов.

Мужчины – 2

Что помнят мужчины

Мужчины видят и запоминают только то, что хотят увидеть и что хотят запомнить. Что тешит их самолюбие.

В кафе на Тверской

Он сидел в кафе на Тверской, пил кофе, курил сигарету и смотрел в окно на проходящих женщин. Они проходили совсем близко, немного напряженно оглядывали его и шли дальше. Потом он понял, что они смотрят не на него, а на свое отражение в стекле.

Фотография

– Зачем тебе ее фотография? После тебя она уже дважды побывала замужем.

– А почему это должно мешать ее любить?

Мужские изюминки

В мужчинах тоже есть тайны и изюминки. Только они очень большие. Чтобы их разглядеть, надо отойти подальше.

Излишества

Говорят, что излишества – грех. А ведь это то, что отличает нас от животных.

Мужчины-волшебники

Мужчины-волшебники – это самые обычные люди. Они просто умеют предугадывать желания. В зародыше. Пока они не стали большими.

Гордость

Можно гордиться своей женщиной, любить ее, восхищаться, хвастаться. Но посуду все равно придется мыть.

Ревность

Ревнивый муж нанял частного детектива, чтобы проследить за своей женой. Через неделю детектив сказал, что готов отчитаться.

– Ничего мне не рассказывай, – попросил муж. – Вот твой гонорар и еще сто долларов сверху, чтобы ты уничтожил все записи и фотографии.

– Я все сделаю, – сказал детектив. – Но почему?

– Я люблю ее, – ответил муж. – И хочу любить дальше.

Женитьба

Знакомый развелся и женился на другой женщине. Теперь на работе его зовут «серийный моногамер».

Подслушанное

Один профессор говорит другому:

– С каждым годом мои студентки все моложе и говорят все тише!

Неразгаданная тайна

Одна из великих тайн человечества: почему мужчины, жены которых прекрасно готовят, обожают по дороге на работу тайком заехать в Макдональдс и сожрать там гамбургер со стаканом чудовищного кофе?

Девушки не смотрят

– Я старею, иду по Москве, а на меня девушки не смотрят.
– Не отчаивайся, сейчас они смотрят на тех, кто едет.

Где искать невесту

– Вот же блин! – сказал он, захлопывая книгу. – К девицам принцы с хрустальными туфлями приходят, корабли с красными парусами приплывают. А нам рекомендуют бродить по болотам и искать невест среди лягушек!

Старая записная книжка

Откроешь старую записную книжку и видишь телефоны пяти Наташ. И все они ушли. Некоторые даже не приходили. Но все равно ушли.

Как себя подбадривать

– Слышу стон. Что случилось?

– Я так себя подбадриваю. Это богатырский стон!

Запах полыни

Я помню

– Ты это сказал, я хорошо помню!

– Прости, но я этого не говорил.

– Ты забыл! Ты это говорил, наверное, неоднократно, и для тебя это просто слова, которые легко забыть. А я их слышала в первый раз. И я помню!

Чужое письмо

Он тренируется неделю, и у него уже начало получаться. Теперь он умеет писать письма другим почерком. Он приходит на почту, берет пустые бланки телеграмм и на обратной стороне пишет ей признания в любви. Это легко: он знает все ее привычки, знает, чем она завтракает, сколько раз в день пьет кофе и кого увидит сегодня на работе. Ему все рассказывали, и он представляет себя тем загадочным теоретиком из соседнего отдела, о котором она упоминала неделю назад. И сейчас он пишет от имени этого теоретика, пишет ей о любви перьевой ручкой, тщательно макая ее в чернильницу после каждого слова.

Он пишет о первой встрече, о ее глазах, о ее улыбке и о том, как она умеет смеяться. Он пишет, что не решает-ся ей сказать о своих чувствах, что он не будет подписывать письмо, просто он хочет, чтобы она знала о его любви.

Так, это письмо закончено, через два дня надо будет написать второе, а через неделю третье. Так надо, так ей, наверное, будет легче без него. А ему без нее.

Он своими руками отдает ее «автору» письма. Пусть она сама решит, кто этот загадочный автор. А он уже понял, что им не получится быть вместе. Вот на конверте написан адрес, такой родной и знакомый, теперь конверт можно бросить в большой синий ящик. Все!

Он выходит на улицу маленьким героем, садится в троллейбус и едет по Садовому кольцу. Каждая улица, мелькающая перед глазами, связана с ней. Вот тут они ходили в кино, тут они гуляли, тут он ждал ее перед театром, тут... Он выбегает из троллейбуса, хочет бежать назад к почте, но понимает, что ему никто уже не отдаст это дурацкое письмо. И он понуро бредет к метро.

Рестораны в Архангельске

Однажды я сидел в Шереметьево и разговорился с американцем, который летал в Архангельск к русской девушке.

– Я летаю уже пять лет, – грустно сказал он. – Вот только вчера мы с ней были в ресторане.

– А почему ты не женишься? – спросил я его.

– Ты не поверишь, но мне перед ней стыдно. У нас в городке нет таких ресторанов, как в Архангельске.

Витамин D

– Ты опять бледная, никак не можешь выбраться из своей простуды. Без витамина D тебе не обойтись, нужно погреться на солнце.

– Сейчас октябрь, какое солнце?

– Поехали, я покажу.

Вдоль дороги тянулись серые заборы, какие-то будки, унылые кирпичные здания с темными окнами. Но вот строения кончились, и они свернули на проселочную дорогу, ведущую в сосновый лес. Асфальта на дороге не было, «жигуленок» заваливался на бок в глубоких ямах, она ойкала, он гладил ее руку, не отрывая глаз от колеи.

– Вот тут.

Машина остановилась возле обрыва, заросшего пожелтевшей травой и засыпанного сосновыми иголками. Он постелил одеяло на поваленное дерево, они сели рядом, обнялись и стали смотреть на заходящее солнце.

– Тут уже немного витамина D, но все лучше, чем ничего.

– Это точно лучше, чем рыбий жир.

Солнце погрузилось в большую темную тучу, стало холодно, и они сели в машину. Он включил фары, стал медленно выезжать на дорогу с колеей и ямами.

– Что это?! – вскрикнула она, услышав металлический скрежет.

Он заглушил двигатель, вышел из машины, заглянул под днище. Из пробитого картера выливалось масло. Он встал на колени, потрогал штырь, торчавший из земли, поднялся

и открыл пассажирскую дверь.

– Дальше придется пешком. Выйдем на шоссе, поймаем попутку, и тебя отвезут домой.

– А ты?

– Мне не привыкать, сейчас главное – убрать тебя из холодного леса. Тут очень сыро.

Они вышли на шоссе через час. В небе уже светились звезды, стало совсем холодно. Мимо проносились машины, но никто не хотел останавливаться в таком глухом месте. Тогда он вынул из кошелька десять рублей и стал покачивать красной бумажкой. Через пять минут около них притормозила старенькая «Волга» с усталым пожилым водителем. Он поцеловал ее, помог сесть в теплый, пахнущий бензином салон, «Волга» замигала левым поворотником и уехала. Он долго смотрел на удаляющиеся красные огоньки, потом вздохнул, достал две десятки и стал поджидать попутный грузовик.

Газовая плита

– Скажи честно, почему ты выбрал в жены именно ее?

– Сам не знаю. Наверное, из-за газовой плиты. Ко мне приходило много женщин, и все они начинали отмывать плиту. Кто-то ворчал, что я неряха, кто-то говорил, что она не может ничего готовить, пока плита не будет сверкать, кто-то хвастался, что у себя на кухне она моет плиту два раза

в день... А она единственная, кто сказал правильные слова!

– Какие?

– Она просто сказала, что у нее потребность сделать для меня что-нибудь хорошее, и чтобы я не обращал на нее внимания, а шел заниматься своими делами.

– И ты в нее сразу влюбился?

– Нет, не сразу. Но я почувствовал, что у меня тоже появилась потребность сделать для нее что-нибудь хорошее.

Яблоки и рубашки

Три девицы сидели под окном и чесали языки.

– Ой, девки! Как мне хочется свой дом. Чтобы много комнат, чтобы весной сирень цвела, а в августе красные яблоки падали на землю. Выйду за первого, кто мне это предложит.

– Нет, надо по любви! Это важнее яблок и комнат.

– Яблоки, комнаты, любовь... Я выйду за того, кому я захочу стирать и гладить рубашки.

Постскриптум: девицы и их слова реальные, но разнесены во времени и в пространстве. Они случайно собрались в этой миниатюре. Все они вышли замуж. Счастливой была только первая.

Запах полыни

Сегодня я подстригал кусты и, собирая руками обрезанные ветки, почувствовал знакомый горьковатый запах. Это был кустик полыни.

...Она любила запах полыни. Мы с ней ездили в онко-центр на Каширке, а потом медленно шли пешком до метро «Коломенская». Шли через поле, заросшее сорняками, мимо старого яблоневого сада, мимо соборов и холмов, с которых открывался вид на широкую пойму реки.

Иногда она наклонялась, чтобы сорвать невзрачный стебелек, растирала между пальцами листья и потом долго держала их у лица.

– Вот бы найти духи с запахом полыни, – как-то сказала она.

...Прошло полгода. Я сидел в лаборатории и рисовал графики. Краем глаза я заметил мелькнувший белый халат, обернулся и увидел ее в красном кресле около спектрометра. Она улыбалась и показывала пальцем куда-то себе за ухо.

– Поцеловать? – спросил я.

– Это ты не заработал. Только понюхать!

От нее пахло полыню. Самой настоящей: летней, пыльной, теплой, росшей вдоль тропинок, где мы гуляли летом.

– Все-таки нашла такие духи? – спросил я. – Но это для привлечения мужчин или для отпугивания?

Она улыбнулась еще шире.

– Это для фильтрации. Я буду общаться только с теми, кому нравится запах полыни.

У реки

Она приготовила жареную курицу, сварила картошку, по-

мыла овощи, нарезала хлеб, заварила чай в термосе, отложила в баночку свежего варенья, сложила одеяла, полотенца, книжки, темные очки, купальники, крем от загара, сумку-косметичку.

Я заехал на рынок и купил у азербайджанцев красные шершавые персики, оранжевые абрикосы, желто-зеленый виноград без косточек, большой полосатый арбуз и черемшу – так назывались длинные, зеленые маринованные стебли.

Потом мы долго ехали по забитому машинами шоссе, пока не свернули на маленькую узкую дорогу, ведущую к реке вдоль небольших березовых рощ, между зарослей кустов, через поля, вниз, к обрывистому берегу, где уже стояли машины, были расстелены одеяла, и дымились мангалы.

– Надо найти место, где можно целоваться и болтать глупости, не обращая внимания на соседей, – сказал я и погнал машину напрямик через поле, заросшее васильками.

Место было отличное. От реки нас отделял небольшой песчаный обрыв, вокруг во влажной низинке росла лебеда и еще какая-то высокая трава. На самом краю обрыва трава была низкая и мягкая. Мы положили на нее одеяло, легли и стали смотреть в небо. Ветер трепал ее волосы, и они щекотали мне лицо.

– Надо было заехать в какой-нибудь монастырь или музей, чтобы культурно обогатиться, – вдруг сказал я.

– Не надо, – ответила она, – не надо обогащаться. Давай

лучше запомним эти минуты. Посмотри, какая красивая река!

Около нас была небольшая тихая заводь, где на темной поверхности плавали большие зеленые листья и белели цветы кувшинок с желтыми сердцевинками. На другой стороне реки ехал трактор с прицепом. В прицепе сидели молодые бабенки, которые прокричали нам, чтобы мы не теряли время.

– И в самом деле, – сказала она. – Пора подкрепиться перед купанием.

...Мы уезжали уже вечером, когда солнце начало касаться верхушек далеких деревьев, а над нашими головами запищали голодные комары.

– С точки зрения колхозниц, мы сегодня потеряли время, – сказал я, включая фары. – Целый день потеряли.

– Организмам надо иногда взвихряться, – улыбнулась она. – Ты же сам рассказывал про работников посольства в Анголе, которые раз в неделю устраивали своим организмам встряску – в этот день у них не было во рту ни капли спиртного!

– Потом ты будешь вспоминать этот день, как один из самых счастливых, – тихо добавила она.

Трудно быть волшебником

– Хочешь, я подарю тебе все звезды с неба?

– А что, у тебя денег совсем нет?

(Услышанное)

Преподаватель чертит на доске кубы со вписанными сферами. Или что-то более сложное. Он поворачивается к нам спиной и долго стучит мелом по зеленой доске. Иногда он оглядывается и следил, чтобы мы перерисовывали эти сферы и кубы в свои тетради. Закончив рисунок, он отряхивает руки, подходит к окну и смотрит, как за темными стеклами падает снег.

Мы все звали его Казаном. Иногда – «Плешивым Казаном». Мы все представляли, что в молодости он был похож на Казанову. Казан был высок, его черные волосы были редки, он тщательно их зачесывал набок, прикрывая лысину.

– Вы знаете, что на свете самое главное? – вдруг спрашивает Казан, не отрывая взгляда от кружащихся за окном снежинок.

– Любовь? – робко предлагает Наташка, первая красавица нашей группы. Она поправляет свои густые кудри и оглядывается на нас.

– Правильно, – говорит Казан.

Он отрывается от окна и начинает разглядывать Наташку.

Она сначала выпрямляет спину и одергивает свитер, чтобы показать свою полную грудь, потом смущается, сутулит плечи и склоняется над тетрадкой.

– Правильно! – повторяет Казан. – А знаете ли вы, кто заслуживает любви?

– Пламенные революционеры? – спрашивают с заднего ряда.

– Квартира-дача-машина, – уверенно говорит Генка, у которого никогда и рубля на столовую не было.

– Передовики труда, стакановцы, гагановцы и буденовцы.

Это Любка. У нее, наверное, даже лифчики с чулками заграничные. Она выделяется среди нас, как белая лебедь среди серых уток. Она не так красива, как Наташка, но ярко и со вкусом одевается, едка на язык, неприступна и от этого все мы вздыхаем по ней, а не по простоватой Наташке с ее грудью, огромными серыми глазами и копной рыжих волос.

Любка небольшого роста, с короткой стрижкой, маленьким носиком и пухлыми губами в перламутровой помаде. Она говорит медленно, растягивая слова, ее зеленые с поволокой глаза сверлят собеседника, который теряется, начинает запинаться и потом долго мучается, что не сумел сострить ей в ответ. Он уже дома придумывает достойные слова, полночи думает о Любке и потихоньку начинает в нее влюбляться.

– Нет, – Казан прерывает поток моих мыслей, – любви достойны только волшебники.

– Точно! – говорит Любка. – Мне таких нужно два. Одного для учебы, другого для личной жизни.

– Если бы мне волшебник шубу подарил, то я бы его любила.

Это Нина. Она живет в общежитии на стипендию. Раз в месяц получает из дома большие посылки с фруктами, салом и какими-то свертками. Голос у Нины тихий, ласковый. С ней дружат все и никто одновременно. Все знают, что Нина хорошая, но не знают, о чем с ней разговаривать.

– Про волшебников подробнее.

Это наши парни. Они все хотят любви и приготовились слушать, как надо стать волшебником. Это интереснее, чем аксогональные проекции и прочая ересь.

– Быть волшебником – это угадывать и выполнять желания женщины, – говорит Казан. – Она еще сама не знает, чего хочет, а ты уже это достал и принес на блюдечке.

– Аааа... – протягивает Генка. – А если денег нет на то, что она хочет?

– Тогда выбирай для своего волшебства женщину поскромнее, – советует Любка. – Внуши ей, что она хочет мороженого, и вперед.

– Девушка правильно говорит, – Казан не в состоянии запомнить наши имена и называет всех юношами и девушками. – Одни способны жар-птицу из-за синего моря привезти, а другие могут купить курочку на рынке, и женщина будет счастлива.

– Я согласна на курочку, – говорит Нина. – Любовь за курочку не обещаю, но супчик сварю. Ген, ты мне курочку купишь?

– Нет! – Генка решителен. – Я должен был угадать про курочку, а ты тут сама напрашиваешься.

– Очень мне нужно напрашиваться, – обижается Нина и сжимает ладонями покрасневшие щеки.

– Так! – говорит Казан. – Отдохнули? Пора за дело. Теперь рассмотрим...

Прошло несколько лет. Однажды вечером я ехал в электричке и увидел Любку. Она сидела около окна и безучастно смотрела на мелькающие за стеклом фонари. Я знал, что Генка все эти годы пытался ухаживать за Любкой, но она неизменно была язвительной и неприступной. Ее основная жизнь протекала в компаниях «золотых» мальчиков, у которых были машины и настоящие американские джинсы. Они возили Любку на закрытые курорты, на просмотры новых фильмов, где собирались избранные, и играли с ней в теннис на зимних теплых кортах. Любка даже побывала замужем, но недолго. Деталей я не знал, да особо этим и не интересовался.

– Ты откуда? – спрашиваю я Любку, присаживаясь рядом с ней.

Любка поворачивается и улыбается. Она искренне рада видеть меня. Я замечаю, что ее дубленка уже не раз побывала в чистке, а этот мохеровый шарф я помню еще с институ-

та. Под глазами надулись синие мешочки, ее любимая перламутровая помада заменена на какую-то темную. Но в глазах блестят искорки, она, не отрываясь, смотрит на меня.

– Я от Генки, он опять пьяный. Спать его уложила и уехала.

– Так вы все-таки вместе?

Любка молчит и начинает рассматривать свой маникюр. Потом она вздыхает и говорит:

– Он, когда выпьет, всегда мне звонит. Жалкий такой. Когда я одна, то иногда к нему приезжаю. С ним просто, ему много не надо. Погладишь его, он улыбнется и уснет. И мне легче становится, как будто больного друга навестила. Он ведь так и не женился, все меня ждал, сейчас кому он такой нужен?

– Да, волшебника из него не получилось, – говорю я. – Помнишь Казана?

– Помню, – отвечает Любка. – Казан был прав, мы любим только волшебников.

– Так Генка стал волшебником?

– Да... Когда я к нему приезжаю, то знаю, что кроме портвейна и чая у него ничего нет. И мне хочется только портвейна и чаю с вареньем. Выйду на улицу – мне хочется кофе. А у него хочется чаю. Сложно это... У нас, девушек, всегда все сложно.

Электричка приехала на Ярославский вокзал. Мы стоим в метро возле эскалаторов. Любке надо на Кольцевую линию,

мне – на Радиальную. Я смотрю на морщинки в уголках Любкиных глаз. Она устала и не скрывает этого.

– А Генка настоящий, много лучше других, – медленно произносит она. – Только чудес он может делать маловато. Ты меня понимаешь?

Я киваю, целую ее и иду к своему эскалатору. Взявшись за блестящий поручень, я оборачиваюсь и вижу, что Любка машет мне рукой. Я тоже машу в ответ. Она поворачивается, и ее заслоняет вдруг нахлынувшая толпа.

Больше Любку я никогда не видел. А Генка так и не женился.

Лилии и амариллисы

Я долго не мог понять, что меня напрягает. И почему я чувствую себя постоянно виноватым. Наверное, я виноват, что уезжаю в командировку. Почему-то любая моя поездка рассматривалась как дополнительный отпуск.

– Учти, ты там будешь отдыхать за двоих. А я буду скучать.

Вроде все правильно сказано, но что-то не так. А... вот! Не было сказано «счастливого пути». Кажется, что не нужны мне эти слова, а я все равно их жду. Я не доверяю никакому транспорту. Работаю со сложной техникой и знаю, что она ломается. Ломается, даже если с ней очень аккуратно обращаться. И мне беспокойно перед отъездом. Даже если я еду поездом. И она это знает, но опять сказала что-то про себя. Про то, как ей будет плохо. А я на втором плане. Или на третьем.

Потом я буду писать ей письма. Почти каждый день. И каждый день в холле гостиницы я буду смотреть в ячейку, где должна лежать моя почта. Но эта ячейка всегда пуста. В других лежали открытки и даже толстые конверты. Я представлял, как было бы здорово получить от нее письмо в толстом конверте. Я бы читал его целый вечер!

По вечерам читать мне было нечего, и я писал письма в Москву. Я писал про тихие улочки южного города, про

пыльные листья акаций, про увядающие пионы, про раздавленные ягоды шелковицы на асфальте, про крики сорок, про вкусную кабачковую икру, которую я каждое утро ел с мягким белым хлебом. В одном письме я написал про работу, как целыми днями сижу с паяльником и тестером, проверяя микросхемы и болтая с местным инженером. Но я знал, что это ей скучно, и старался больше писать про цветы, пыльные листья и про сороку. Я бывал только на улочке, ведущей из лаборатории к гостинице, вот про нее и писал.

Однажды я шел мимо одного палисадника и увидел за забором большие оранжевые цветы с черными крапушками на лепестках. Я остановился и стал их разглядывать, чтобы потом написать про них в письме. Из дома вышла молодая женщина в светлом платье, взяла лейку с нагретой солнцем водой и стала поливать клумбу. Увидев меня, она улыбнулась.

– Здравствуйте! – сказала она и подошла к забору, поправляя на ходу светлые волосы. – Вам нравятся мои цветы?

– Да... – пробормотал я. – А как они называются?

– Это лилии, а вон те, синие – это амариллисы.

– Амариллисы красивые, – сказал я. – И лилии тоже. Мне про них надо написать в письме.

– Жене? – спросила женщина и наклонила голову в ожидание ответа. Ее голубые глаза смотрели смело и насмешливо.

– Знакомой, – сказал я. – Хорошей знакомой. В гостинице

скучно, и я пишу ей письма про вашу улочку. Больше я нигде не бываю. Работа... Я тут в командировке.

Женщина вернулась к крыльцу, взяла садовые ножницы, подошла к лилиям, срезала самый большой цветок и протянула его мне.

– Вот вам наглядное пособие. Будете на него смотреть в вашей гостинице.

Я взял цветок и стал смотреть на женщину. Сразу говорить «спасибо» не хотелось. После «спасибо» нужно было бы уходить, а мне хотелось смотреть на нее, на ее полноватую, но складную фигуру, на ее улыбку, на загорелые руки...

– Приходите к нам часа через два! – вдруг сказала женщина. – Муж принесет пиво и сушеную рыбу, я запекла кабачки в сметане. Мы будем сидеть в беседке, пить пиво и слушать ваши рассказы о Москве. Вы ведь из Москвы? Только там так акают.

Я был из маленького городка под Москвой, но не стал это уточнять, а просто кивнул.

– Да, из Москвы, но я не приду сегодня.

– Бойтесь мужа?

– Да вроде пока нет причин его бояться.

– Вы на меня так смотрите, и у вас никаких неприличных мыслей не возникает?

Я смутился и стал смотреть на амариллисы.

– Ладно, идите уж. Но если вечером надумаете с нами пива попить, то приходите. А мужа не бойтесь. Я с ним разбе-

русь, если что!

В это день я не написал письмо. Но зато в своей ячейке нашел тоненький конверт из Москвы. В конверте, сложенный пополам, лежал листок в клеточку, вырванный из общей тетради. На листке большими круглыми буквами было написано, чтобы я не торопился назад, что она с подругой уезжает в Крым и что она еще скучает и ждет нашей встречи осенью.

Я так и не понял, читала ли она мои письма про цветы и пыльные листья. Подаренную лилию я поставил в стакан с водой, лег на кровать, уставился в потолок и стал думать о женщине из палисадника с лилиями и амариллисами.

Последняя осень

– Ты уверена, что тебе с ним будет лучше?

– Давай будем только о нас.

– Но мы договорились, что не будем выяснять отношений, когда раздражены.

– А говорить о нас – это только выяснять отношения?

В парке ветрено и холодно. Мокрые бурые листья на дорожках и скамейках. Самые крепкие болтаются на почти голых ветвях кленов. Хотелось посидеть в тепле, но эти двое избегали даже мысли об этом. Если пойти в кафе, то надо будет поддерживать разговор, а говорить больше не о чем. Вспоминать прошлое? Это больно, их счастье никогда не повторится. В ней уже не было загадки, а он больше не способен даже на маленькие подвиги.

Будущего тоже не было. Их совместного будущего. Они оба это понимали, но не могли говорить на эту тему. Они не хотели даже думать о завтрашнем дне.

Все тянулось уже несколько месяцев. Было страшно вот так все бросить и остаться один на один с новой жизнью, где не будет их встреч, звонков и мимолетных, пусть даже холодных поцелуев. Никто не мог первым хлопнуть дверью, уйти, не оборачиваясь, не боясь одиночества среди постылых дождей и темного, низкого неба.

У него уже была другая женщина, а у нее другой мужчи-

на. Но пока все несерьезно, пока все обратимо, пока просто прогулки и разговоры. Смогут ли они заменить то, что было между ними? Будет ли она дрожать и сжиматься от страха и удовольствия, когда ее коснется новая мужская рука? Будет ли он, улыбаясь, бежать к метро, вспоминая гладкость женской кожи, освобожденной от одежды? Наверное, нет... Это бывает один раз. Потом будет что-то другое, от чего не стучит сердце, не перехватывает дыхание, от чего не забываешь о времени, делах, учебе, друзьях, погоде...

Пришла взрослость? Может быть. Они не боялись взрослости. Впереди еще бесконечность этой взрослости, и все можно успеть. А вот если бы сохранить их первую встречу в длинном шумном коридоре, первый поцелуй в этом парке, первые прикосновения к запретному и желанному. И уйти с этим во взрослую жизнь, начать сначала, но сохранить возможность позвонить, встретиться, взять друг друга за руки и пойти по этой аллее. Пусть даже такой холодной, неприветливой, мокрой...

Что этому мешает? Обида? Ревность? Страх, что их прошлое помешает новой жизни? Что оно будет тянуть назад, в недавнее детство, в мелькнувшее и ушедшее счастье? От этого ныло сердце, невозможно было сосредоточиться, радоваться внезапному осеннему солнцу, улыбаться друзьям при встрече. Все изменилось. Уже не ждешь звонка и откладываешь свой звонок. Уже спрятаны старые фотографии, уже порваны письма.

– Мне холодно... пойдём назад.

– Дать тебе мою куртку?

– Нет, я не хочу, чтобы ты простудился.

– Я бы лежал с температурой, а ты бы меня лечила. Ты

помнишь...

– Не надо про «помнишь»!

– Не буду. Ты не сердись...

– Я не сержусь, просто устала и хочу домой.

В метро шумно, они совсем замолчали. Она вошла в вагон, обернулась, помахала ему рукой и стала пробираться внутрь. Двери зашипели, захлопнулись, поезд загудел и стал набирать скорость. Он смотрел на исчезающие в темном туннеле огни и понимал, что это все. Больше ничего не будет. Он никогда ей не позвонит и не будет ждать ее звонков. Их просто не будет. Ну и хорошо. Надо жить дальше, мир такой большой, он не замкнут на ее словах и взглядах. Это раньше все остальное было расплывчато и неважно. А теперь будет важно!

Он взъерошил слипшиеся от дождя волосы и пошел к лестнице перехода на другую линию.

А она ехала в гудящем вагоне, прислонив висок к стеклу двери, смотрела на мелькающие за окном лампы, связки кабелей и плакала. Она тоже поняла, что никогда больше не увидит его. Она почувствовала, что осталась одна, что ее маленькая власть кончилась, что он не будет больше ждать ее звонков, не будет волноваться, если она будет опаздывать

на свидания. Ах, да... какие теперь свидания.

Она вытерла слезы и стала пробираться к выходу. Это была не ее станция. Но она знала, что если позвонить по номеру на визитке, вложенной в записную книжку, то через десять минут к этой станции подъедет темно-синяя машина, в которой будет тихо, сухо и тепло.

Жареная картошка

– Ты ведь знаешь, с какой гадостью мне приходилось иметь дело? Едкая, ядовитая, канцерогенная. Поэтому я любил работать по вечерам, когда в лаборатории никого не оставалось. Так было спокойнее и безопаснее: у тяги никто не толкался, никто не лез с расспросами, никто не звонил и не звал на какие-то совещания. В один из вечеров это и случилось. Я стоял у тяги, сливал два раствора, и тут вошла Марина. Я в резиновых перчатках, в защитных очках, стараюсь сдерживать дыхание, а она подходит сзади, обнимает меня, кладет голову на плечо и говорит, чтобы я закрыл дверь на ключ.

– У тебя хоть рука не дрогнула?

– Нет! Я стиснул зубы и аккуратно поставил все колбы на место. Иначе, сам понимаешь... Ты вот рассказывал про студента, который радиоактивный фосфор у ваших весов рассыпал, а тут можно было весь корпус отравить. В общем, когда я повернулся... Дальше, рассказывать не буду, сам все знаешь.

Мы выпили, и я пошел к плите помешать шипящую на сковородке картошку. Мне нужно было переварить рассказ Андрея. Марину я помнил хорошо. В то время она уверенно разменивала свой шестой десяток, но посторонние никогда бы в это не поверили. Марина не была красавицей,

но она привлекала внимание сразу, в любой компании, в любой ситуации. При ней все остальные женщины казались или тусклыми, или вульгарными. Она была чуть полновата, каштановые волосы всегда немного растрепаны, широко расставленные синие глаза смотрели изучающе, ласково и только на тебя. Потом ты замечал, что она смотрит и на других, но было ощущение, что это случайно, что скоро ее взгляд снова встретится с твоим, что она сегодня искала именно тебя, чтобы сказать важное для вас обоих.

Но это ощущение было обманчивым. Было известно, что Марина обожает своего мужа, что она никому не позволяла переступить некую черту в отношениях, что она необычайно добра, и почти весь наш корпус ходил к ней обсуждать семейные проблемы. Мы знали, что все сказанное, останется между нами, что она будет хранить наши маленькие секреты лучше нас самих, что все ее взгляды означали только желание узнать, нужна ли тебе ее помощь.

И тут вдруг – Андрей! Нескладный, работающий по двенадцать часов в день, вечно пристающий к нам со своим мнением о происходящих в стране событиях, мечтающий выиграть в лотерею большую сумму, чтобы дальше можно было спокойно работать, не думая о грантах и зарплате. Андрей был женат, в семье все было хорошо: красавица-жена, две чудесные дочки... На чужих женщин он не заглядывался, и услышанная новость меня шокировала. Я помнил то время. Андрею было тогда тридцать с небольшим, мы с ним

часто пересекались по работе, но мне и в голову не приходило, что он являлся героем такого необычного романа.

— Ну и что дальше? — спросил я, раскладывая картошку по тарелкам. — У меня такое чувство, что у вашего романа не было продолжения.

— Да, — Андрей достал из банки огурец и разлил водку по рюмкам. — Ты прав, интимных отношений у нас практически не было. Не нужно это было ни мне, ни ей. Нам было хорошо в своих семьях. Только один раз нам снова захотелось побыть наедине. Я тогда попросил у тебя ключ от квартиры.

Я помнил этот день. Андрей начал договариваться за неделю. Он страшно волновался, очень не хотел, чтобы я узнал, с кем он придет, говорил, что никак не обременит меня, что принесет свое белье и оставит квартиру в идеальном состоянии, а ключ — в почтовом ящике. Я смеялся, говорил, что ему придется сделать капитальный ремонт, иначе идеального состояния квартиры ему так просто не достичь. Я провел этот вечер у знакомой, а когда вернулся домой, то ахнул! Вся квартира была убрана, пыль вытерта даже на книжных полках, плита и раковина на кухне сверкали, а на подоконнике стояла бутылка нераспечатанного коньяка в окружении пяти крепких желтых лимонов. Было ощущение, что любовники приезжали не для того, чтобы побыть друг с другом, а чтобы навести порядок и доставить мне удовольствие.

На следующий день я нашел Андрея и попросил его при-

езжать каждую неделю. Он посмеялся, сказал, что дальше он будет появляться только за деньги, причем большие, потому, что мне пора менять ванну и циклевать паркет. На том мы и порешили.

Потом судьба разметала нас по разным странам, и когда мы встретились, то первые дни говорили только о работе, политике и детях. Другие женщины в наших разговорах не присутствовали, мы хранили наши маленькие тайны, и то, что Андрей рассказал о Марине, было... Я не знаю, какое слово тут подобрать, это был рассказ не о страсти, не о случайной влюбленности, тут было что-то другое. Я ждал и боялся продолжения его рассказа. Андрей сам позвонил и попросил меня его выслушать, обещав принести бутылку хорошей водки и взяв с меня обещание, что я обеспечу соленые огурцы, копченую колбасу и большую сковородку жареной картошки.

– Хорошая у тебя картошка! – сказал Андрей и встал, чтобы положить себе добавки. – Румяная и мягкая. А у меня она всегда какая-то бледная и слипшаяся.

– Научить?

– Нет, не надо, я лучше буду к тебе чаще приходить.

За окном стало темнеть, мы долго сидели молча, потом Андрей продолжил.

– Да, мы не были любовниками в общепринятом смысле. Просто иногда, проходя мимо, мы касались друг друга, улыбались, и мне становилось от этого так хорошо, что ты

не можешь представить! У меня сразу все начинало получаться, уходило раздражение. Ты помнишь, какой был тогда везде бардак? Так вот, везде бардак, все злые, а я как на крыльях летаю. А спроси почему – не отвечу. Просто хорошо мне и все!

– А она?

– Я ее как-то спросил, почему она тогда выбрала меня. В ответ она рассмеялась и сказала, что сама не знает. Просто почувствовала, что мне это надо. И сейчас у нее появился смысл ходить на работу. Наукой она не очень интересовалась, зарплаты сам помнишь... а тут она чувствует, что ее присутствие делает меня счастливым. Вот так и сказала. Она ходила на работу, чтобы мне было там хорошо!

Мы выпили еще по рюмке, и я зажег свет.

– Слушай, погаси! – попросил Андрей. – У меня от компьютеров глаза уставать стали, а в темноте хорошо.

Я снова подошел к выключателю и увидел, что Андрей напряженно смотрит на меня.

– Ты, наверное, ждешь, что я буду про своих женщин рассказывать. Но я не буду. Я никогда...

– Я знаю, – перебил Андрей, – я тоже никому ничего не рассказываю, а сейчас смотрю на тебя и не понимаю, ты не догадался, почему мы пили не чокаясь?

Я прислонился к стене, сердце сжалось и на какое-то время перестало биться.

– Когда?

Андрей посмотрел на остатки водки в бутылке, забыв про меня, налил себе рюмку, как-то неуклюже сглотнул и тихо сказал:

– Это все наша проклятая химия. Она никому ничего не говорила. Просто таяла тихонько, пока я по своим дурацким «европам» мотался... Но однажды позвонила в лабораторию, сказала, что простудилась и недельку посидит дома. А в конце недели... Год назад это было... Я себе никогда не прощу, что меня с ней не было в последние дни. Ты пока не понимаешь, как важно быть вместе в последние дни...

– Понимаю, Андрей. Я сразу понял, но верить не хотел. Ждал счастливого конца истории.

– А конец счастливый, – вдруг произнес он. – Я от нее письмо получил. Хорошее такое. Она писала, что ей легко и она счастлива. Просто счастлива, что у нее все было. И лучше ничего не будет и не надо. Она это письмо подруге передала, а та меня нашла. Давай теперь по-настоящему выпьем! Картошка вроде у тебя осталась. Ты, кстати, должен еще знать, что мы тогда у тебя картошку жарили. Всю плиту маслом забрызгали и стали порядок наводить. Теперь в этот день я всегда буду жареную картошку есть.

Я пошел в комнату и достал из шкафа бутылку дорогого французского коньяка. Это был мой неприкосновенный запас на особо важный случай. Сегодня был именно такой...

Он был похож на Бельмондо

Вадим Сергеевич был похож на Бельмондо.

– В нем сильное мужское начало! – говорила Таньке Людмила. – Но все это пропадает без должного употребления.

Людмиле было уже двадцать семь, и она знала про мужчин всё. Небольшого роста, с темными смеющимися глазами, худенькая, она умела давать убийственные характеристики и смело комментировать то, о чем Танька даже думать стеснялась.

Таньке было семнадцать. В институт она не поступила, и знакомый отца устроил ее в конструкторское бюро. Танька неплохо рисовала, поэтому ее поставили у кульмана чертить какие-то балки и стойки. Ей давали карандашные эскизы, а она должна была красиво переносить их тушью на кальку. Таньке это нравилось – думать во время работы можно было о чем угодно. В обед они ходили всем отделом играть в настольный теннис или бегали по магазинам в поисках всяких мелочей и вкусовностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.